

сериал

ЛИЗА КЛЕЙШАС

Бессердежный
граф

Очарование (АСТ)

Лиза Клейпас

Бессердечный граф

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Клейпас Л.

Бессердечный граф / Л. Клейпас — «Издательство АСТ»,
2015 — (Очарование (АСТ))

ISBN 978-5-17-134318-7

Девон Рейвенел, столичный повеса, кутила и неисправимый холостяк, неожиданно для себя унаследовал от покойного родственника графский титул, а вместе с ним – запущенное и отягощенное долгами фамильное имение. И если бы только это – но ведь в имении обитают три юные незамужние сестрицы предыдущего графа и его молодая красавица вдова леди Кэтлин! Кэтлин прекрасно понимала: от легкомысленного наследника не добиться помощи ни в управлении имением, ни в поиске подходящих женихов для трех очаровательных бесприданниц. Но вот чего она точно не ожидала: что очень скоро Девон обрушит на нее весь свой талант и опыт прославленного соблазнителя – и противостоять его чарам с каждым днем будет все труднее...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-134318-7

© Клейпас Л., 2015

© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	44
Глава 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Лиза Клейпас

Бессердечный граф

Lisa Kleypas
COLD-HEARTED RAKE

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения литературных агентств William Morris Endeavor Entertainment, LLC и Andrew Nurnberg.

Серия «Очарование» основана в 1996 году

© Lisa Kleypas, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Лиза Клейпас была признана «Мисс Массачусетс» и участвовала в конкурсе «Мисс Америка – 1985», однако, по ее собственным словам, всегда понимала, что ей суждено стать писательницей. Буквально после выхода первого же романа Лиза Клейпас проснулась знаменитой и с тех пор давно уже признана непревзойденным мастером исторического романа, совмещающим природный талант с высоким профессионализмом.

Глава 1

*Гэмпшир, Англия
Август 1875 года*

– Черт подери, ну почему мне так не везет! – мрачно пробурчал Девон Рейвенел. – Моя жизнь испорчена, а все из-за того, что кузен, который мне никогда не нравился, упал с лошади.

– Вообще-то Тео не совсем упал, – уточнил его младший брат Уэстон. – Лошадь его сбросила.

– По-видимому, она его так же не переносила, как и я, – ответил Девон, нетерпеливо расхаживая взад-вперед по приемной. – С удовольствием сломал бы Тео шею, если бы он уже сам этого не сделал.

Уэстон покосился на брата со смесью насмешки и возмущения.

– Как ты можешь жаловаться? Ты только что унаследовал графский титул и в придачу поместье в Гэмпшире, земли в Норфолке, дом в Лондоне и...

– И все прочее, закрепленное за титулом. Прости, что меня не радует получение земли и домов, которыми я никогда не буду владеть и которые я не могу продать.

– Возможно, тебе удастся разбить майорат: надо посмотреть, как прописаны условия. Если так, то ты сможешь все продать, и дело с концом.

– Дай-то Бог. – Девон с отвращением посмотрел на плесень, выросшую в углу комнаты. – Этот дом – просто руины. Нельзя же всерьез рассчитывать, что я буду здесь жить.

Оба они впервые переступили порог Эверсби – переходящего по наследству семейного владения, построенного когда-то на развалинах монастыря и принадлежавшей ему церкви. С тех пор как Девон вскоре после смерти его кузена унаследовал титул, прошло три месяца, но он, как мог, оттягивал момент, когда придется столкнуться с горой проблем. И вот этот момент настал. Пока что он успел увидеть только эту комнату и вестибюль – два помещения, предназначенных производить наибольшее впечатление на гостей. Ковры были истерты до дыр, обивка мебели оборвалась, гипсовая лепнина на стенах потрескалась и покрылась слоем пыли. Все это не давало повода надеяться, что остальная часть дома будет в лучшем состоянии.

– Да, нужен ремонт, – согласился Уэстон.

– Этот дом не ремонтировать нужно, а снести до основания.

– Ну, все не настолько пло... – не договорив, Уэстон вскрикнул, потому что его ступня застряла в ямке на ковре, и отскочил в сторону, уставившись на вмятину в форме миски. – Черт побери, что это?

Девон нагнулся, приподнял угол ковра и под ним обнаружил дыру в прогнившем полу. Покачав головой, он вернул ковер на место и отошел к окну с фигурным переплетом. Металл, соединявший ромбовидные стекла, был изъеден коррозией, петли и задвижки заржавели.

– Похоже его раньше не ремонтировали, – заметил Уэстон. – Почему, интересно?

– Очевидно, денег не хватало.

– Как это может быть? Поместье включает двадцать тысяч акров земли. Как же арендаторы, ежегодные платежи?

– Фермерство в поместье больше не приносит прибыли.

– В Гэмпшире?

Бросив на брата мрачный взгляд, Девон снова стал смотреть в окно.

– Нигде.

Сельский пейзаж Гэмпшира выглядел идиллически: зеленые поля, аккуратно разделенные живыми изгородями, – но дальше, за группками веселых коттеджей с соломенными крышами и полосами плодородной земли, меловыми холмами и древними лесами, уже проклады-

вали тысячи миль стальных путей, по которым пойдут в наступление локомотивы с вагонами. По всей Англии новые фабрики и фабричные городки появлялись быстрее, чем ореховые сережки по весне. По своему невезению Девон унаследовал титул именно тогда, когда волна растущей промышленности сметала прочь аристократические традиции и соответствующий титулу образ жизни.

– Откуда ты знаешь? – спросил брат.

– Уэстон, это все знают. Цены на зерно упали. Когда ты последний раз читал «Таймс»? Ты что, не прислушиваешься к разговорам в клубе или в тавернах?

– Нет, если речь идет о фермерстве, – уныло вздохнул Уэстон и тяжело опустился на стул, потирая виски. – Не нравится мне это. Кажется, мы договорились никогда ни к чему не относиться серьезно.

– Я пытаюсь. Но, знаешь ли, смерть и бедность имеют свойство делать все вокруг менее забавным. – Девон прислонился лбом к оконному стеклу. – До сей поры я жил в свое удовольствие, не утруждая себя ни единым днем труда, а теперь у меня появились обязанности. – Последнее слово он произнес как ругательство.

– Мы непременно придумаем что-нибудь. – Порывшись в карманах пальто, Уэстон достал из внутреннего кармана серебряную фляжку, отвинтил крышку и сделал большой глоток. – Найдем способ их игнорировать.

Девон вскинул брови.

– Не рановато ли? Этак к полудню ты будешь пьян в стельку.

– Да, оно и к лучшему.

Уэстон опять приложился к фляжке. Девон посмотрел на младшего брата с некоторой озабоченностью: привычка потакать своим слабостям начала уже сказываться на его облике. Уэстон в свои двадцать четыре года обладал живым умом, которым, впрочем, старался пользоваться как можно реже, был высок и весьма привлекателен, но злоупотребление крепкими напитками придало его лицу нездоровую рыхлость и отечность, талия начала оплывать. И хотя Девон старался не вмешиваться в дела брата, сейчас спрашивал себя, не стоит ли наконец указать ему на пагубное влияние пьянства и на внешний вид, и на способность соображать. Нет, непрощенный совет вызовет у Уэстона только негодование.

Убрав фляжку в карман, Уэстон сложил ладони перед собой и посмотрел на брата поверх кончиков пальцев.

– Выход есть: срочно обзавестись богатой женой.

Девон аж побледнел.

– Ты же знаешь: это не для меня. – От одной только мысли, что он может повторить историю собственного детства, только в роли жестокого и равнодушного родителя будет уже сам, у него мурашки бежали по коже. – Так что лучше ты об этом подумай, как следующий в роду.

– Ты это всерьез? – удивился Уэстон. – Да при всех моих пороках я и до сорока не доживу.

– У меня их не меньше.

– Да, но я предаюсь своим с куда бóльшим энтузиазмом.

У Девона невольно вырвался ироничный смешок. Кто бы мог предположить, что они, будучи представителями отдаленной ветви семьи Рейвенел, окажутся последними в роду, который вел свою историю со времен норманнского завоевания. К сожалению, Рейвенелы всегда отличались импульсивностью и горячим нравом, поддавались искушениям, готовы были совершить любой грех и презирали все добродетели до единой, в результате чего покидали этот мир быстрее, чем обзаводились потомством. Вот так и вышло, что от всей семьи остались только они двое.

Несмотря на благородное происхождение, ни Девон, ни Уэстон никогда не входили в сословие пэров. В эти круги сливок общества даже мелкие дворяне не могли проникнуть.

Девон мало что знал об особых правилах и ритуалах, которые отличали аристократов от простых смертных, зато точно знал, что поместье Эверсби не подарок судьбы, а ловушка. Оно давно не приносило дохода, а вот поглотить весьма скромное ежегодное содержание Девона могло в два счета, а потом покончить с его братом.

– Пусть уж лучше наш род закончится, – сказал Девон. – Мы с тобой никудышные и всегда такими будем, и кому какое дело, если этот графский титул перестанет существовать?

– Ну, обитателям поместья и арендаторам вряд ли понравится, если они потеряют то небольшое, что имеют, – сухо заметил Уэстон.

– Ну и пусть повесятся. Я тебе вот что скажу: первым делом я избавлюсь от вдовы и сестер Тео – мне от них никакого проку.

– Девон... – попытался остановить брата Уэстон.

– Потом попытаюсь продать эту рухлядь хотя бы по частям, ну а если не получится, вывезу отсюда все мало-мальски ценное, сам сломаю дом и продам камень...

– Девон! – воскликнул Уэстон, указав на дверь.

На пороге стояла невысокая худенькая женщина в черном, с лицом, закрытым густой вуалью.

Вдова Тео, дочь лорда Карбери, ирландского пэра и владельца конного завода в Глендаррифе. В браке с Тео они состояли всего три дня. Должно быть, трагедия, случившаяся так скоро после столь радостного события, как свадьба стала для нее настоящим потрясением. Когда для братьев дошли скорбные вести, Девон подумал, что ему, как наследнику титула, следовало бы послать вдове письмо с соболезнованиями, но почему-то эта мысль так и не привела к реальному действию, а лишь засела у него в голове, как ворсинка, прилипшая к лацкану сюртука. Возможно, Девон и смог бы заставить себя выполнить долг, если бы до глубины души не презирал кузена. Жизнь во многом была благосклонна к Тео, одарила его богатством, привлекательностью и привилегиями, но вместо того, чтобы быть благодарным судьбе, он воспринимал все как должное, с самодовольством и высокомерием. Поскольку Девон не желал игнорировать оскорбления или провокации с Тео, всякий раз, когда они встречались, дело кончалось дракой. Поэтому он даже не пытался убедить себя, что сожалеет.

Что касается вдовы Тео, то вряд ли ей нужно его сочувствие. Она молода, детей нет, а с вдовой частью наследства запросто снова выйдет замуж. Говорили, что она красавица, но сам он судить об этом не мог – густая черная вуаль скрывала ее лицо, а многослойное вдовье одеяние – тело.

Девон и Уэстон поклонились, в ответ вдова сделала формальный реверанс и холодно проговорила:

– Добро пожаловать, милорд, мистер Рейвенел. Я постараюсь предоставить вам опись домашнего имущества как можно скорее, чтобы вы могли грабить и мародерствовать официально.

Ее ледяной голос с безупречным аристократическим акцентом был полон отвращения. Пока она пересекала гостиную, Девон настороженно наблюдал за ней. Слишком худая, на его вкус, этакая доска в траурном платье, но что-то в ее движениях притягивало взгляд: казалось, под этой сдержанностью скрывается взрывная сила.

– Примите мои соболезнования по поводу вашей потери, – произнес наконец Девон.

– А вы – мои поздравления в связи с приобретением.

Девон нахмурился.

– Уверяю вас, я никогда не стремился к титулу вашего мужа.

– Это правда, – подтвердил Уэстон. – Он возмущался по этому поводу всю дорогу от Лондона.

Девон бросил на брата укоризненный взгляд.

– Симс, дворецкий, покажет вам дом и прилегающую территорию, когда вам будет угодно, – сказала вдова. – Поскольку, как вы заметили, от меня вам никакого проку, я пойду собирать вещи.

– Леди Тренир! – воскликнул Девон. – Кажется, наше знакомство началось не слишком удачно. Прошу прощения, если оскорбил вас.

– Можете не извиняться, милорд: ничего другого я от вас и не ожидала. – Не дав Девону времени возразить, она продолжила: – Могу ли я спросить, как долго вы намерены оставаться в Эверсби?

– Думаю, пару дней. Возможно, мы могли бы с вами обсудить за обедом...

– Боюсь, мы не сможем обедать вместе: как и я, сестры моего покойного мужа подавлены горем.

– Графиня...

Не проронив больше ни слова и не обращая ни на кого внимания, она вышла из комнаты, даже не удостоив их реверансом.

Девон, прищурившись, посмотрел ей вслед, ошеломленный и раздосадованный: никогда еще женщины не обращались с ним с таким пренебрежением. Он чувствовал, что вот-вот взорвется. Как она может винить его в этой ситуации, когда у него не было выбора?

– Чем я заслужил такое обращение? – спросил он возмущенно.

– Помимо твоих слов, что собираешься вышвырнуть ее отсюда и разнести по камешкам ее дом?

– Но я же извинился!

– А вот это зря: ты лишь подтвердил, что был не прав, и только усилил ее раздражение.

Девон с возмущением подумал, что этой женщине не мешало бы предложить ему помощь, а не сваливать на него всю вину, и решил, что не станет терпеть ее высокомерную враждебность, и не важно, что она вдова.

– Придется с ней поговорить, – заявил он мрачно.

Уэстон закинул ногу на диван, подложил под голову подушку, и буркнул:

– Разбуди, когда все закончится.

Девон решительно вышел из гостиной и направился вслед за вдовой. Он заметил ее в конце коридора. Она уносилась прочь, как пиратский корабль на всех парусах, так что платье и вуаль колыхались.

– Подождите! Я не имел в виду то, что сказал! – крикнул ей вслед Девон.

– Вы сказали именно то, что хотели! – Она остановилась и резко повернулась к нему лицом. – Вы намереваетесь разрушить поместье, ваше фамильное наследие, и все ради своих эгоистических целей.

Девон остановился перед ней, сжав кулаки, и холодно проговорил:

– Послушайте, самое большее, чем мне доводилось управлять, это кухарка, дворецкий и лошадь, а теперь я должен отвечать за крупное поместье с парой сотен арендаторов. Я бы сказал, это заслуживает некоторого уважения, даже сочувствия.

– Бедняжка, как, должно быть, утомительно думать о ком-то еще, кроме себя самого.

Выпустив эту последнюю стрелу, она попыталась уйти, однако не учла, что остановилась возле полукруглой ниши в стене, предназначенной для скульптуры или другого декоративного предмета на подставке, и Девон ее поймал: опершись ладонями на стену по обеим сторонам от ниши, преградил путь к бегству. Он слышал, как она тихо ахнула, и хотя ему было стыдно в этом признаться, испытал удовлетворение оттого, что ему удалось вывести ее из равновесия.

– Дайте мне пройти!

Он не двинулся с места, удерживая ее в плену.

– Сначала скажите, как вас зовут.

– Зачем? Я никогда не позволю вам обращаться ко мне по имени.

Девона разобрала досада, и, всмотревшись в ее закутанную в черное фигуру, он заявил:
– Вам не приходило в голову, что взаимная поддержка дала бы нам обоим больше, чем вражда?

– Милорд, я только что потеряла мужа и свой дом. Что же можете мне предложить вы?

– Возможно, вам следовало это выяснить до того, как делать меня своим врагом?

– Вы были моим врагом задолго до того, как переступили порог этого дома.

Девон поймал себя на мысли, что пытается разглядеть ее лицо сквозь вуаль, и раздраженно спросил:

– Вам обязательно носить на голове эту штуку? У меня такое ощущение, что я разговариваю с абажуром.

– Эту «штуку» как вы изволили выразиться, то есть траурную вуаль, в присутствии гостей носить обязательно.

– Я не гость, а родственник.

– Только через брак.

Разглядывая ее, Девон чувствовал, как злость понемногу отступает: такая она хрупкая, быстрая, как воробышек.

– Полно, не упрямитесь. Нет нужды носить при мне траурную вуаль, если только не собираетесь рыдать: в этом случае я бы сам попросил вас закрыться ею. Не выношу женских слез.

– Неужели вы так мягкосердечны? – саркастически поинтересовалась вдова.

Девона кольнуло болезненное воспоминание, которое он гнал от себя годами. Он попытался его стряхнуть, но память упорно возвращала ему картину, как он пятилетним мальчишкой сидит под закрытой дверью гардеробной матери и дрожит от страха из-за доносившихся оттуда рыданий. Он не знал, что ее так расстроило, но это наверняка было связано с неудачным романом, коих у нее было немало. Его мать была известной красавицей и зачастую всего за одну ночь могла влюбиться и разлюбить. Отец, измученный ее капризами и переменчивостью, редко бывал дома, к тому же его терзали собственные демоны. Девон хорошо помнил удушающее чувство беспомощности, которое испытывал, когда слышал рыдания матери и не имел возможности до нее дотянуться. В конце концов, он довольствовался тем, что подсовывал под дверь носовые платки, умоляя мать открыть дверь и снова и снова спрашивая, что случилось.

– Дев, ты славный мальчик, – сказала тогда мать, судорожно всхлипывая. – Маленькие мальчики все такие. Но когда вырастаете, вы становитесь жестокими и эгоистичными, разбиваете женские сердца.

– Мамочка, я не буду! – воскликнул он в тревоге. – Обещаю, что никогда не буду разбивать сердца!

Было слышно, как она горько рассмеялась сквозь слезы, словно он сказал несусветную глупость.

– Еще как будешь, зайчик мой, даже если не захочешь.

Подобные сцены повторялись не раз, но отчетливее всего Девон почему-то помнил именно эту. Оказалось, что мать была права: он действительно разбивал сердца, – или, по крайней мере, его часто в этом обвиняли, хотя он всегда с самого начала ясно давал понять, что жениться не собирается. Даже если бы он влюбился по-настоящему, то все равно никогда не дал бы такого обещания. Какой смысл обещать, если любое обещание можно нарушить... Он испытал боль, которую могут причинить даже любящие люди, и не хотел никому причинять сам.

Его внимание вернулось к вдове, и он ответил:

– Нет, дело не в мягкосердечии: по моему мнению, слезы чаще всего манипуляция, но что еще хуже, от них женщина теряет всю свою привлекательность.

– Вы самый отвратительный из всех мужчин, что когда-нибудь попадались мне на пути! – заявила вдова.

Девона позабавило, как она это произнесла: каждое слово вылетало, как стрела из лука.

– И как много было таких мужчин?

– Достаточно, чтобы распознать вам подобных.

– Сомневаюсь, что вы можете что-то разглядеть через эту вашу вуаль. – Он протянул руку и подцепил пальцем край черной газовой ткани. – Не поверю, что вам нравится ее носить.

– Это не имеет значения.

– Вы ее носите, потому что она скрывает лицо, когда плачете? – Это был не столько вопрос, сколько предположение.

– Я никогда не плачу.

Девон опешил: он, что неправильно ее понял?

– Вы хотите сказать, что не плакали даже после трагического происшествия с вашим мужем?

– В том числе.

Каким характером надо обладать, чтобы признаться в таком, даже если это правда? Девон ухватил пальцами край вуали и закинул черный креп на маленькую шляпку, к которой он был пришит.

– Не отстраняйтесь, не надо. Мы с вами будем стоять лицом к лицу и разговаривать, как цивилизованные люди. Боже правый, такого количества ткани хватит на парус для корабля и...

Девон умолк, не договорив, когда увидел наконец ее лицо и обнаружил, что смотрит в глаза цвета янтаря, наружные уголки которых были чуть приподняты и придавали им сходство с кошачьими. На мгновение у него захватило дух, он потерял способность мыслить, а все его органы чувств сосредоточились на восприятии увиденного. Никогда еще он не видел ничего подобного. Она оказалась моложе, чем он ожидал, с невероятно светлой кожей и копной каштановых волос, явно слишком тяжелой для шпилек. Высокие, четко очерченные скулы и узкий подбородок придавали лицу форму изящного треугольника и тоже напоминали о кошке. Губы, яркие, сочные, притягивали взор даже сейчас, будучи плотно сжатыми. Ее нельзя было назвать красавицей в общепринятом смысле слова, но она была настолько уникальна, что вопрос о красоте становился излишним. Траурное платье плотно облегло фигуру от шеи до бедер, а дальше превращалось в немыслимое количество складок, и о том, что скрывалось за всем этим чудом портновского искусства можно только гадать. Даже руки были скрыты черными перчатками, не считая лица, так что кожа видна была только на шее, над высоким воротом платья. Глядя как раз туда, Девон заметил, как она глотнула, и в этом движении было что-то уязвимое. Ямка на шее под подбородком, такое интимное местечко, к которому хотелось прижаться губами, казалась очень нежной. Воображение тут же разыгралось, и вот он уже представил, как, раздевая ее, словно замысловато упакованный подарок, целует ее, пока она не начнет извиваться, вздыхать и стонать. Будь на ее месте любая другая и при иных обстоятельствах, Девон соблазнил бы ее прямо здесь.

Вернув себя с небес на землю, он вдруг спохватился, что негоже тарашить на нее глаза, как форель, выброшенная на берег, и стал лихорадочно искать в своем разгоряченном мозгу какие-нибудь подходящие случаю слова, пытался собрать спутавшиеся мысли в нечто связное. К его удивлению, молчание нарушила она:

– Меня зовут Кэтлин.

– Ирландское имя, но говорите вы совсем без акцента?

– В детстве меня отправили в Англию, и я жила в Леоминстере у друзей нашей семьи.

– Почему?

Она нахмурила изогнутые брови.

– Мои родители больше занимались лошадьми, чем детьми, и проводили по несколько месяцев в году в Египте, где подбирали элитных лошадей для своей фермы. Я создавала...

неудобства, а вот их друзья, лорд и леди Бервик, тоже разделявшие их увлечение, предложили отдать меня им, чтобы воспитывать вместе со своими двумя дочерьми.

– Ваши родители и сейчас живут в Ирландии?

– Мать умерла, а отец да, и сейчас там. – Ее взгляд стал отсутствующим: по-видимому, мысли унеслись куда-то далеко, потом она добавила: – Асада я получила от него в качестве свадебного подарка.

– Асада? – не понял Девон.

Кэтлин подняла на него взгляд, почему-то виноватый, ее шею и лицо медленно залила краска. И тут Девон понял:

– Коня, который сбросил Тео.

– Да, но в том не было вины Асада: конь был совершенно не объезжен, так что отцу пришлось выкупить его обратно у человека, которому он его продал.

– Зачем же было дарить вам такого коня?

– Лорд Бервик часто разрешал мне помогать объезжать молодых жеребцов.

Девон демонстративно окинул взглядом ее хрупкую фигуру.

– Да вы же не больше воробышка!

– Наезднику не нужна грубая сила: арабские скакуны очень чувствительны; им достаточно понимания и мастерства.

Как раз этого у Тео не было. Каким же надо было быть идиотом, чтобы подвергать риску и себя, и ценное животное.

– Тео что, решил так развлечься? – не удержавшись, спросил Девон. – Или захотел продемонстрировать храбрость?

В ее глазах появился и быстро исчез проблеск какого-то сильного чувства.

– Когда он в гневе, его невозможно остановить.

Рейвенел как он есть. Если кто-нибудь хоть как-то пытался противоречить Тео или в чем-то ему отказать, это вызывало взрыв. Возможно, Кэтлин думала, что сможет с ним совладать или что время его смягчит, поскольку не могла знать, что гнев у кузена всегда перевешивал любое чувство самосохранения. Девону очень хотелось думать, что с ним все иначе, но увы: в прошлом он тоже бывал этому подвержен, и не раз. Случалось, его тоже охватывала кипящая, как раскаленная лава, всепоглощающая ярость. В такие моменты он чувствовал себя великолепно, а потом, когда приходило осознание, не хотелось жить.

Кэтлин скрестила руки на груди, обхватив крошечными ладошками, обтянутыми черными перчатками, локти.

– Кое-кто считает, что Асада после этого случая следовало уничтожить, но наказывать животное за то, в чем нет его вины, по-моему, жестоко и неправильно.

– Вы собираетесь его продать?

– Я бы не хотела, но даже если придется, сначала его нужно заново объездить.

Девону не казалось разумным подпускать Кэтлин близко к коню, который только что убил ее мужа, пусть и не преднамеренно. К тому же, по всей вероятности, она не сможет оставаться в Эверсби достаточно долго, чтобы преуспеть в дрессировке арабского скакуна. Решив, что сейчас не самый подходящий момент об этом говорить, он предложил:

– Давайте прогуляемся? Я бы хотел осмотреть территорию поместья.

Кэтлин встревожилась.

– Может, вам все покажет садовник?

– Я бы предпочел, чтобы это сделали вы. – Девон намеренно выдержал паузу. – Или вы меня боитесь?

Ее брови взлетели вверх.

– С чего бы это? Нет, конечно.

– Тогда пойдете?

Он предложил ей руку, но Кэтлин проигнорировала этот жест и, кивнув в сторону гостиной, спросила:

– Вашего брата тоже пригласим?

Девон покачал головой.

– Он спит.

– Как, в это время? Он что, заболел?

– Нет, просто он придерживается кошачьего распорядка дня: долгие часы дремоты перемежаются короткими периодами ухода за собой.

Он увидел, как уголки ее губ чуть приподнялись в невольной улыбке, и услышал:

– Ну что же, ладно.

Выпорхнув из ниши, она быстрым шагом пошла по коридору, и Девон последовал за ней.

Глава 2

После всего нескольких минут в обществе Девона Рейвенела, Кэтлин убедилась, что все нелестные слухи о нем, которые до нее доходили, правдивы: самовлюбленный негодяй, циник, невежа и повеса, но при этом, надо отдать ему должное, очень привлекателен, хотя и не таков, как Тео. Ее покойного мужа природа одарила благородными чертами и золотистыми волосами молодого Аполлона, а темноволосый Девон Рейвенел обладал грубоватой, но чисто мужской красотой: от его облика буквально веяло дерзкой, небрежной уверенностью с изрядной примесью цинизма, из-за которого он выглядел даже чуть старше своих двадцати восьми лет. Всякий раз, глядя в его глаза цвета зимнего океана, окаймленные более темной, почти черной полоской, она испытывала легкий шок. Он был гладко выбрит, но на нижней части лица лежала легкая тень щетины, которую невозможно удалить полностью даже самой острой бритвой. В общем, это был тот самый тип мужчины, от которого Кэтлин предостерегала леди Бервик: «Дорогая, если встретишь мужчину, который пускает в ход все свое обаяние, хвастовство и мастерство оболыщения, знай: такой намерен тебя погубить ради собственного грязного удовольствия, – и беги от него, не оглядываясь».

– Но как я узнаю, что мужчина – негодяй? – спросила тогда Кэтлин.

– О, ты это поймешь по опасному блеску его глаз, по стремлению произвести впечатление, воспользовавшись своим обаянием. Его присутствие может возбуждать довольно острые ощущения. У таких мужчины есть в облике что-то особенное, некий животный магнетизм. Ты меня понимаешь?

– Думаю, да, – сказала она неуверенно, потому что тогда еще не понимала.

И вот только сейчас Кэтлин осознала, что леди Бервик имела в виду: у мужчины, который шел сейчас рядом с ней, этого самого магнетизма было в избытке.

– Если судить по тому, что я уже успел увидеть, – заметил Девон, – будет разумнее сжечь эту грудку гнильи, нежели пытаться отремонтировать.

У Кэтлин расширились глаза.

– Но поместью четыреста лет! Это сама история!

– Держу пари, водопроводу столько же.

– Водопровод нормальный, – возразила Кэтлин.

Он изогнул бровь.

– Настолько, что можно принять ванну и душ?

После короткого колебания Кэтлин признала:

– Нет, это, конечно, не удастся.

– Значит, обычная ванна? Прекрасно. И какую же емкость я смогу сегодня вечером для этого использовать? Ржавое ведро?

Кэтлин, к досаде своей почувствовала, что ее губы сами собой подрагивают в подобии улыбки, но она вовремя успела ее сдержать и ответила с подчеркнутым достоинством:

– В переносной жестианой ванне.

– Что же, ни в одной из ванных комнат нет чугунной?

– Как нет и самих ванных комнат. Ванну принесут в вашу гардеробную и унесут после того, как закончите мыться.

– Но водопровод-то есть хоть где-нибудь?

– В кухне и в конюшне.

– Но туалеты-то в доме есть? – с нотками паники в голосе воскликнул Девон.

При упоминании столь неделикатного предмета Кэтлин бросила на него укоризненный взгляд, на что он заметил:

– Если вы занимаетесь дрессировкой лошадей, которые обычно не славятся деликатностью в отправлении своих естественных нужд, вас не должен смущать вопрос о наличии в доме ватерклозетов.

Кэтлин покраснела, но заставила себя ответить.

– Нет, только ночные вазы, а днем мы пользуемся туалетом во дворе.

Девон посмотрел на нее так, словно у нее выросла вторая голова.

– Ни одного? Когда-то это было одно из самых процветающих поместий в Англии! Почему же, черт побери, в этот дом так и не провели водопровод?

– Тео говорил, что его отец не видел в этом необходимости, поскольку тогда у них было полно слуг.

– Конечно, что же может быть приятнее, чем носиться вверх-вниз по лестницам и таскать тяжелые тазы с водой, не говоря уже о ночных горшках. Слуги должны быть ему очень благодарны за то, что не лишил их такого удовольствия.

– Ваш сарказм не по адресу, – парировала Кэтлин. – Это было не мое решение.

Они продолжили путь по извилистой тропинке, что тянулась между рядами тисов и декоративных груш, и Девон все больше хмурился.

Парой отщепенцев называл Тео Девона и Уэстона за то, что они якобы избегают приличного общества и предпочитают якшаться с сомнительными личностями. Их часто можно встретить в тавернах Ист-Энда и игорных домах. Образование не пошло им впрок, а Уэстон к тому же не доучился, бросил Оксфорд, потому что не хотел там оставаться без Девона, который закончил раньше.

Тогда у Кэтлин сложилось впечатление, что Тео не питавший теплых чувств ни к кому из своих дальних кузенов, к Девону относился с особой неприязнью. И по странному стечению обстоятельств именно этот человек теперь должен занять его место.

– Почему вы вышли за Тео? – огорошил ее вопросом Девон. – Это был брак по любви?

Кэтлин слегка нахмурилась.

– Я бы предпочла ограничить наш разговор светской беседой.

– Но это же смертельно скучно!

– Тем не менее от вас будут ожидать, что обладатель вашего титула и положения владеет этим искусством в совершенстве.

– Тео владел? – поинтересовался Девон не без ехидства.

– Да, разумеется.

– Никогда не замечал, чтобы он проявлял подобное мастерство, – фыркнул Девон. – Вероятно, все из-за того, что приходилось уворачиваться от его кулаков.

– Думаю, это все из-за того, что вы с Тео пробуждали друг в друге самые худшие черты характера и изменные свойства натуры.

– Нет, просто у нас недостатки почти одни и те же. – В тоне Девона послышалась насмешка. – При этом у меня, кажется, нет ни одной из его добродетелей.

Кэтлин промолчала, любуясь изобилием цветов: белых гортензий, гераней и высокими кустами красного пенстемона и размышляя о том, что до замужества думала, будто знает о пороках и добродетелях Тео все. За время его полугодового ухаживания и помолвки они бывали на приемах, на балах, катались верхом и в экипаже. Тео всегда был неизменно обаятелен. Хоть друзья и предупреждали ее о тяжелом характере Рейвенелов, Кэтлин была слишком очарована им, чтобы прислушаться, да и сами ограничения светского ухаживания – обязательное присутствие третьего лица при их встречах и небольшое количество прогулок – не давали ей возможности понять истинный характер Тео. И Кэтлин слишком поздно поняла крайне важную истину: невозможно узнать человека по-настоящему, пока не поживешь с ним бок о бок.

– Расскажите о его сестрах, – попросил Девон. – Насколько я помню, их три и все не замужем?

– Да, милорд.

Старшей из сестер Рейвенел, Хелен, было двадцать три года, близняшкам, Кассандре и Пандоре, – по девятнадцать. Ни Тео, ни старый граф не позаботились о них в своих завещаниях. Девушке голубых кровей без приданого нелегко привлечь подходящего жениха, и новый граф вовсе не был обязан их содержать.

– Они уже выходили в свет? – поинтересовался Девон.

Кэтлин покачала головой.

– Последние четыре года они почти все время были в трауре: сначала умерла их мать, потом отец, теперь вот граф. Можно было бы рассчитывать на этот сезон, но теперь...

Девон остановился возле клумбы, и Кэтлин пришлось последовать его примеру.

– Три незамужние аристократки без дохода и приданого, которым не подобает работать, а слишком высокое положение не позволяет выйти за простолюдинов. За годы в деревне, в глуши, они стали, вероятно, скучны, как овсяная каша.

– Это не так...

Договорить ей не дал чей-то пронзительный визг.

– Помогите! Это чудовища! Сжальтесь, дикие твари!

Голос был женский молодой, и в нем слышалась неподдельная тревога. Девон в тот же миг бросился по дорожке и влетел в открытую калитку огороженного сада. На пяточке зеленой травы каталась девушка в черном платье, пытаясь отбиться от двух черных спаниелей. Вдруг ее крик сменился хихиканьем, и Девон, в полнейшем недоумении, замедлил шаг. Кэтлин, запыхавшись, догнала его, и пояснила:

– Да они просто играют.

– Ничего себе игры! – пробормотал Девон, останавливаясь; вокруг его ног клубилась пыль.

– Назад, жалкие дворняги! – закричала Кассандра басом старого пирата, размахивая палкой и делая выпады, как будто у нее в руках был меч. – А не то я сдеру с вас шкуры, а вас скормлю акулам!

Она ловко преломила палку пополам об колено и бросила половинки в дальнюю часть лужайки.

– А ну-ка, лентяи, принесите!

Спаниели с радостным лаем помчались за палками.

Девушка, лежавшая на земле – Пандора, – приподнялась на локтях, ладонью заслонила глаза от солнца и весело воскликнула:

– Привет, сухопутные крысы!

Обе девушки были без капоров и перчаток. На одном рукаве Пандоры не хватало манжеты, а с переда юбки Кассандры свисала порванная оборка.

– Где ваши вуали? – с упреком спросила Кэтлин.

Пандора отбросила прядь волос, упавшую на глаза.

– Я сделала из своей рыболовную сеть, а в той, что была у Кассандры, мы мыли ягоды.

Длинноногие и длиннорукие близняшки были очаровательны в своей нескладной грации, в их растрепанных волосах плясали отблески солнца, и казалось вполне разумным, что их назвали в честь греческих героинь. В их розовощеких лицах и спутанных волосах было что-то весело-необузданное. Кассандра и Пандора провели слишком много времени вдали от мира. Кэтлин в душе жалела, что любовь лорда и леди Тренир была почти полностью направлена на одного Тео, их единственного сына, чье рождение гарантировало будущее семьи и графского титула. В надежде произвести на свет еще одного наследника они воспринимали появление трех нежеланных дочерей как полную катастрофу. Разочарованным родителям было легко не придавать значения Хелен, тихой и послушной, а неуправляемые близняшки были и вовсе предоставлены сами себе.

Кэтлин подошла к Пандоре и помогла подняться с земли, потом принялась старательно стряхивать с ее юбок листья и траву.

– Дорогая, я же тебе утром сказала, что у нас сегодня будут гости, – попыталась она оправдать ее поведение, безрезультатно стараясь стряхнуть прилипшую к ткани собачью шерсть. – Я надеялась, что вы найдете себе более спокойное занятие – например, почитаете.

– Мы уже прочитали все до единой книги в библиотеке, – заявила Пандора, – причем по три раза.

К ним подошла Кассандра, за ней с тьяканьем бежали спаниели. Обращаясь к Девону, она спросила:

– Это вы граф?

Он наклонился погладить собак, потом выпрямился и с серьезным видом посмотрел на девушку.

– Да. Мне очень жаль. У меня нет слов, чтобы передать, как бы я хотел, чтобы ваш брат был жив.

– Бедный Тео, – вздохнула Пандора. – Он вечно творил что-нибудь безрассудное, но из этого никогда не выходило ничего страшного. Мы все думали, что он неуязвимый.

– Тео тоже так думал, – добавила Кассандра, погрузнев.

В разговор вмешалась Кэтлин:

– Милорд, позвольте вам представить леди Кассандру и леди Пандору.

Девон присмотрелся к близняшкам. Из этой парочки неухоженных лесных фей Кассандра, пожалуй, была красивее, со своими золотистыми волосами, огромными голубыми глазами и губами как лук Купидона, зато Пандора – изящнее: тонкая и гибкая, как тростинка, с темно-каштановыми волосами и мелкими чертами.

Черные спаниели носились и скакали вокруг них.

– Я вас никогда раньше не видела, – сказала Пандора.

– Ошибаетесь, видели, – возразил Девон. – На семейном собрании в Норфолке. Только вы были слишком малы, чтобы запомнить.

– Вы были знакомы с Тео? – спросила Кассандра.

– Немного.

– Он вам нравился?

Вопрос девушки удивил Девона:

– Боюсь, что нет: мы постоянно дрались.

– Как все мальчишки всегда дерутся, – заявила Пандора, – на что Кассандра заметила:

– Только забияки и глупые. – Спихватившись, что могла нечаянно оскорбить Девона, она поспешила добавить: – Кроме вас, милорд, конечно.

– Боюсь, в моем случае вы ничуть не погрешили против истины, – рассмеялся Девон.

Пандора кивнула и глубокомысленно заявила:

– Темперамент Рейвенелов. – Потом добавила театральным шепотом: – Как мы все похожи!

– Не все: наша старшая сестра Хелен совсем другая, – возразила Кассандра.

– Милорд, хотите взглянуть на оранжереи? – решила прервать их словесную дуэль Кэтлин.

– Конечно.

– А нам можно с вами? – спросила Кассандра.

Кэтлин покачала головой.

– Нет, дорогая, думаю, вам лучше пойти в дом, привести себя в порядок и переодеться.

– Будет приятно пообедать с новым человеком! – воскликнула Пандора. – Особенно с тем, кто только что приехал из города. Я хочу услышать про Лондон все.

Девон вопросительно покосился на Кэтлин, но она ответила не ему, а близняшкам:

- Я уже объяснила лорду Трениру, что, поскольку мы в трауре, обедать будем отдельно. Ее слова вызвали бурю протестов:
- Но, Кэтлин, без гостей так скучно...
- Мы будем вести себя хорошо, обещаю...
- Кому это повредит?

Кэтлин понимала, что девочки так устали от монотонной сельской жизни и жаждут хоть какого-то разнообразия, но Девон – тот, кто намерен вышвырнуть их из единственного дома, а его брат Уэстон, судя по всему, уже основательно поднабрался. В общем, не самое подходящее общество для невинных девушек, тем более таких неуравновешенных. Ничего хорошего из этого не выйдет.

– Мне очень жаль, но нет, – сказала она твердо. – Пусть джентльмены пообедают спокойно.

– Но, Кэтлин! – взмолилась Кассандра. – У нас так долго не было никаких развлечений!
– Так и должно быть. – Кэтлин кольнуло чувство вины, но она ему воспротивилась. – Во время траура развлекаться не полагается.

Девушки замолчали, нахмурившись, и Девон решил разрядить обстановку, шутливо обратившись к Кассандре:

- Капитан, разрешите сойти на берег?
- Да, – ответила та уныло. – И захватите эту девчонку.

Кэтлин нахмурилась.

- Будь любезна, Кассандра, не называть меня так.
- Это лучше, чем «трюмная крыса», – вставила Пандора сердито. – Как назвала бы я.

Окинув девушку укоризненным взглядом, Кэтлин вернулась на дорожку, посыпанную гравием, и Девон молча пошел за ней.

– Ну, а вы: разве не собираетесь меня критиковать? – спросила она через некоторое время.

- Я не придумал, что еще можно добавить к «трюмной крысе».

Кэтлин, сама того не желая, невесело усмехнулась.

– Признаюсь, мне самой кажется несправедливым, что двум юным непоседам придется терпеть еще один год затворничества, после того как они уже просидели в полной изоляции четыре. Не знаю, как с ними справляться. И никто не знает.

- У них никогда не было гувернантки?

– Как я поняла, гувернанток было несколько, но ни одна не продержалась дольше нескольких месяцев.

- Неужели так трудно найти хорошую?

– Я подозреваю, что все гувернантки были высокопрофессиональны, а проблема заключалась в том, что невозможно обучать хорошим манерам девушек, у которых нет ни малейшего желания ими овладеть.

- А что леди Хелен? С ней тоже проблемы?

– Нет, она занималась отдельно, у нее были замечательные наставники, да и характер гораздо мягче.

Они подошли к оранжереям, стекла которых блестели на вечернем солнце. Их было четыре, и каждая разделена на отсеки.

– Если девушки хотят играть на улице, а не сидеть в унылом доме, – заметил Девон, – что же в этом плохого? Кстати, какой смысл занавешивать окна черной тканью? Почему бы не снять ее и не впустить солнце?

Кэтлин покачала головой.

- Убирать траурные занавески так рано неприлично.
- Даже здесь?

- Милорд, Гэмпшир – все-таки не задворки цивилизации.
 - И все же, кто станет возражать?
 - Я. Я не могу оскорбить память Тео таким образом.
 - Господи, он же не узнает! Оттого, что весь дом будет жить во мраке, не станет лучше никому, включая моего покойного кузена. Сомневаюсь, что он бы этого хотел.
 - Вы не настолько хорошо его знали, чтобы судить, чего бы он хотел, а чего – нет, – возразила Кэтлин. – В любом случае это правила, и ими нельзя пренебрегать.
 - А что, если эти правила устарели? Если от них больше вреда, чем пользы?
 - Если вы чего-то не понимаете или с чем-то не согласны, то это вовсе не означает, что оно бессмысленно.
 - Согласен, но вы же не станете отрицать, что некоторые традиции, мягко говоря, идиотские.
 - Я не хочу это обсуждать.
- Кэтлин ускорила шаг, но Девон легко подстроился под нее и продолжил:
- Например, дуэли, человеческие жертвоприношения или многоженство. Не уверен, что вы жалеете об утрате этой традиции.
 - Полагаю, вы бы взяли дюжину жен, если бы могли.
 - Мне и одной хватит, чтобы превратить жизнь в ад.
- Кэтлин с укором взглянула на него:
- Милорд, я вдова! Неужели вы не понимаете, что подобные разговоры не уместны с женщиной в моем положении?
 - А что допустимо обсуждать с вдовами? – делано наивно спросил Девон.
 - Ничего из того, что может опечалить или шокировать, а неуместно равно и веселое.
 - Тогда, получается, мне нечего сказать.
 - Слава богу! – воскликнула она с чувством.
- Девон усмехнулся и, засунув руки в карманы, и внимательно оглядел окрестности.
- Сколько акров занимает парк?
 - Примерно двадцать.
 - А теплицы? Что в них?
 - Виноградник, есть место для персиков, пальмы, папоротники, цветы, а вот в этой – орхидеи.

Кэтлин открыла дверь в первую теплицу, Девон вслед за ней зашел внутрь. Их окутал аромат ванили и цитрусовых. Джейн, мать Тео, увлекалась экзотическими цветами и выращивала редкие орхидеи со всего света. Благодаря прилегающей бойлерной в оранжерее круглый год поддерживалась температура как в разгар лета.

Как только они вошли, Кэтлин заметила между параллельными рядами тонкую фигурку Хелен. С тех самых пор как графиня, ее мать, умерла, Хелен взяла на себя заботу о двух сотнях орхидей в горшках. Определить, что нужно каждому из капризных растений, было очень трудно, поэтому помогать ей разрешалось только несколькими избранными садовниками.

Увидев гостей, Хелен взялась за вуаль, которая до этого была откинута назад, и хотела опустить на лицо, но Кэтлин сухо сказала:

- Не трудись. Лорд Тренир ярый противник траурных вуалей.

Хелен, очень чутко относившаяся к предпочтениям окружающих, тут же отдернула руки от вуали, и, поставив лейку с водой, подошла к гостям. Не обладая яркой, словно солнечной красотой младших сестер, Хелен была привлекательна на свой лад, как прохладный лунный свет: белокожая и светловолосая, но не просто блондинка, а пепельная.

Кэтлин находила занятным, что лорд и леди Тренир называли всех четверых детей в честь героев древнегреческих мифов, и только Хелен стала исключением.

– Простите, что отрываю вас от работы, – сказал Девон после того, как их представили друг другу.

В ответ Хелен неуверенно улыбнулась.

– Милорд, вы не отрываете: я просто пришла посмотреть, всего ли хватает орхидеям.

– А как вы это определяете? – спросил Девон.

– По цвету листьев, по состоянию лепестков. Я проверяю, нет ли признаков трипсов или афид. К тому же одни разновидности любят влажную землю, а другим нравится посуше.

– Можете показать?

Хелен кивнула и повела гостя вдоль рядов, давая краткие характеристики каждому виду.

– Это все коллекция моей матери. *Peristeria elata* была одной из ее любимых. – Хелен указала на растение с мраморно-белыми цветами. – Видите, серединка цветка похожа на крошечную голубку. А это *Dendrobium aemulum*. Ее называют пернатой орхидеей из-за лепестков. – Хелен покосилась на Кэтлин и с улыбкой заметила: – Моя невестка не очень любит орхидеи.

– Я их презираю. – Кэтлин наморщила нос. – Вонючие, капризные: А от некоторых несет старыми ботинками или тухлым мясом, – и им нужна целая вечность, чтобы зацвести.

– Мне эти виды тоже не очень нравятся, – признала Хелен. – Но я надеюсь, что когда-нибудь смогу их полюбить. Если что-то полюбишь, недостатки уже не замечаешь.

– Не согласна! – возразила Кэтлин. – Сколько ни заставляй себя полюбить вон ту белую пухлую...

– *Dressleria*, – подсказала Хелен.

– Да. Даже если сумеешь в нее безумно влюбиться, она не перестанет так вонять.

Хелен улыбнулась и повела Девона дальше, объясняя, как при помощи бойлера и бака для дождевой воды регулируется температура в оранжерее. Кэтлин же, заметив с каким интересом Девон смотрит на Хелен, почувствовала, как неприятно поднимаются тонкие волоски у нее на затылке. Оба джентльмена казались точь-в-точь такими же, как безнравственные повесы из какого-нибудь бульварного романа: обаятельные внешне, но жестокие и коварные. Чем скорее ей удастся увезти сестер Рейвенел из поместья, тем лучше. Она уже решила использовать для этого ежегодную ренту от своего вдовьего наследства. Деньги хоть и небольшие, но их должно хватить на жизнь, если еще подрабатывать каким-нибудь благопристойным трудом вроде рукоделия. Надо подыскать небольшой коттедж, или снять комнаты в частном доме, где они все вместе и поселятся. Не важно, что придется столкнуться с трудностями, все равно это лучше, чем оставить трех беспомощных девушек на милость Девона Рейвенела.

Глава 3

Вечером того же дня Девон и Уэстон обедали в обшарпанной столовой, которая когда-то была роскошной. Еда оказалась гораздо лучше, чем они ожидали. Им подали холодный огуречный суп, жаркое из фазана с апельсиновым соусом и сладкий пудинг.

– Я велел управляющему отпереть винный погреб, – сказал Уэстон. – И знаешь, коллекция на удивление богатая. В числе моих находок по меньшей мере десять бутылок импортного шампанского, двадцать – каберне, столько же или даже больше бордо и целое море французского бренди.

– Это хорошо: если как следует выпить, – сказал Девон, – то, возможно, станет не так заметно, что этот дом разваливается на части.

– Я не заметил в фундаменте признаков разрушения, стены тоже не покосилась, да и в наружном камне нет ни одной трещины.

– Надо же, – удивился Девон, – трезвым почти не бываешь, а заметил на удивление много чего.

– Неужели? – изобразил тревогу Уэстон. – Прошу прощения. Кажется, я слишком протрезвел. Надо срочно исправить положение. – Он протянул руку за бокалом вина. – Приорат Эверсби – одно из лучших охотничьих угодий в Англии. Может, завтра поохотимся на рябчиков.

– Великолепно! – заявил Девон. – Прямо с утра и отправимся.

– А потом встретимся с управляющим и адвокатом и решим, что со всем этим делать. – Уэстон вопросительно посмотрел на брата. – Ты все еще не рассказал, как провел время в обществе леди Тренир.

Девон пожал плечами.

– Да, собственно нечего рассказывать.

После того, как представила его Хелен, и до самого конца их экскурсии по теплицам Кэтлин была холодна и лишь коротко отвечала на вопросы, а когда они разошлись в разные стороны, вздохнула с облегчением, словно наконец-то избавилась от неприятной обязанности.

– Она все время закрывалась вуалью? – спросил Уэстон.

– Нет.

– Ну и как она тебе?

Девон бросил на него насмешливый взгляд.

– Какое это имеет значение?

– Да просто любопытно. Тео был разборчив по этой части – уродину никогда бы не выбрал.

Девон переключил внимание на свой стакан, который машинально вращал, пока старое вино не засверкало, как черные рубины. Как точнее описать Кэтлин? Ну, рыжие волосы, золотисто-карие глаза, похожие на кошачьи, с приподнятыми наружными уголками, бледно-розовая, как зимний рассвет, кожа. При движении корсет, шнуровки и слои одежды сковывают ее гибкую грацию. Но ничто из этого не могло объяснить странное очарование, которое она в себе таила: ощущение, что она обладает властью разбудить в нем какое-то совершенно новое чувство, если только захочет.

– Если судить только по внешности, – ответил он наконец, – то, думаю, для постели вполне подойдет, если кому-то понравится темперамент затравленного барсука. Так что я намерен как можно скорее избавиться от нее.

– А как насчет сестер Тео? Что с ними будет?

– Леди Хелен, наверное, может работать гувернанткой, хотя ни одна здравомыслящая дама ни за что не наймет такую красавицу.

– Она хорошенькая?

Девон послал брату угрожающий взгляд.

– Уэстон, держись от нее подальше! Не смей не только заговаривать с ней, даже не смотри в ее сторону! И это же относится к близняшкам.

– Почему?

– Все они невинные девицы.

Уэстон посмотрел на брата с сарказмом и язвительно уточнил:

– Они что, настолько нежные создания, что не смогут перенести даже нескольких минут моего общества?

– Я бы так не сказал... Они носятся по поместью как пара лисиц, совершенно необузданные. Они неопытны в жизни и довольно необузданные. Что с ними делать, одному Богу известно.

– Мне жаль, если они останутся без мужской защиты.

– Это не моя забота. – Девон дотянулся до графина и подлил себе вина. – За них отвечал Тео, а не я.

– Полагаю, – задумчиво произнес Уэстон, – как в пьесах в последний момент появится благородный герой, наведет порядок и спасет прекрасных дам.

Девон потер пальцами виски.

– Уэстон, увы, я не тот герой: не могу спасти ни это чертово поместье, ни дам, даже если бы хотел, – но желания у меня нет.

На следующее утро Девон встретился с управляющим Тотхиллом и семейным адвокатом мистером Фоггом. Оба – глубокие старики, судя по виду.

– «...в свете того, что покойный граф не произвел на свет законного наследника мужского пола, в соответствии с правовой нормой бессрочности, документ о передаче имущества утратил свое действие», – монотонно закончил читать текст семейный адвокат, и в кабинете повисла тишина.

Девон поднял взгляд от груды актов, договоров аренды и бухгалтерских книг и спросил:

– И что это значит?

– Поместье ваше, милорд, и вы можете поступать с ним по своему разумению, – пояснил Фогг, поправив на носу пенсне, и окинул Девона совиным взглядом. – В настоящее время вы не связаны условиями майората.

Девон быстро покосился на Уэстона, развалившегося в кресле в углу комнаты, и братья с облегчением переглянулись. Слава богу, он сможет продать поместье по частям или целиком, выплатить долги и продолжить жить по своему разумению без каких бы то ни было обязательств.

– Милорд, – продолжал между тем Фогг, – я почту за честь помочь вам возобновить майорат.

– В этом нет необходимости.

Ответ Девона озадачил и управляющего именем, и адвоката.

– Милорд, – сказал Тотхилл, – смею вас заверить, мистер Фогг компетентен в подобных вопросах. Он уже дважды помогал переоформить порядок наследования для Рейвенелов.

– Нисколько не сомневаюсь. – Девон откинулся на спинку стула и расслабился, закинув ногу на угол стола. – Однако не хочу, чтобы меня ограничивали условия майората, поскольку намерен продать поместье.

Его заявление повергло обоих стариков в шок, потом Тотхилл все же осмелился спросить:

– Какую часть поместья?

– Все, включая дом.

И управляющий, и адвокат обрушили на него град протестов: приорат Эверсби – историческое наследие, добытое трудами и жертвами его предков... Девон не сможет занять сколько-нибудь достойное положение в обществе, если не сохранит хотя бы часть поместья... Он ведь не желает обречь потомков на позор, завещав им титул без земли...

Девон жестом заставил обоих замолчать и бесстрастно сказал:

– Попытка сохранить приорат Эверсби потребует таких усилий, каких не стоит. Ни один здравомыслящий человек не станет с этим спорить. Что же касается моих потомков, то их не будет, поскольку я не намерен жениться.

Управляющий поместьем с мольбой посмотрел на Уэстона.

– Мистер Рейвенел, неужели и вы поддерживаете брата в этом безрассудстве?

Уэстон вытянул руки ладонями вверх, словно держал чаши весов, и сравнил невидимые грузы.

– На одной чаше ответственность, которую придется нести всю жизнь, долги и тяжкий труд, на другой – свобода и удовольствия. Неужели нужно делать выбор?

Не дав старикам времени ответить, Девон сказал:

– Вопрос решен. Для начала я хочу получить список всех капиталовложений, долгов и договоров, а также полную опись всего имущества в поместье и в лондонском доме, включая картины, гобелены, ковры, мебель, бронзу, мрамор, столовое серебро и содержимое теплиц, конюшен и каретного сарая.

– Милорд, желаете ли вы получить оценку всего поголовья? – вяло поинтересовался Тотхилл.

– Разумеется.

– Только не моего коня! – вмешался в разговор новый голос, и все четверо повернулись к двери, где, прямая и несгибаемая, как сабля, стояла Кэтлин и с нескрываемым презрением смотрела на Девона. – Арабский скакун принадлежит мне.

Все мужчины – кроме Девона, который так и остался сидеть за письменным столом, – встали.

– Вы когда-нибудь стучитесь, прежде чем войти? – полюбопытствовал он. – Или всегда появляетесь на пороге внезапно, как черт из табакерки?

– Я лишь хочу убедиться, что, подсчитывая свое имущество, вы исключите из списка моего коня.

– Леди Тренир, – вмешался мистер Фогт, – с сожалением должен заметить, что в день свадьбы вы отказались от всех прав на свое имущество.

Кэтлин прищурилась:

– Мне полагается вдовья доля наследства и все мое добрачное имущество.

– Вдовья доля – да, – подтвердил Тотхилл. – Но не ваше имущество. Уверю вас, ни один суд в Англии не станет рассматривать замужнюю женщину как самостоятельное юридическое лицо. Конь принадлежал вашему мужу, а теперь это собственность лорда Тренира.

Лицо Кэтлин побелело как мел, потом покраснело.

– Лорд Тренир обирает поместье, как шакал обгрызает гниющий труп. Почему конь, которого подарил мне отец, должен достаться ему?

Взбешенный тем, что Кэтлин при всех демонстрирует такое неуважение к нему, Девон встал из-за стола и широкими шагами приблизился к ней. Надо отдать ей должное, она даже не поежилась, хотя он превышал ее габаритами как минимум вдвое и зарычал:

– Дьявол вас побери! Я что, во всем этом виноват?

– Конечно! Вы готовы ухватиться за любой предлог продать Эверсби, потому что не способны принять вызов.

– Про вызов можно говорить, когда есть хотя бы малейший шанс на успех, а эта битва заранее проиграна. Список кредиторов длиннее моей руки, кошельки пусты, а ежегодный доход упал вдвое.

– Я вам не верю. Вы хотите продать поместье, чтобы покрыть свои личные долги, которые не имеют никакого отношения к Эверсби.

У Девона прямо руки чесались – так хотелось что-нибудь снести, разбить, сломать. Он никогда еще не сталкивался с такой ситуацией, и не было никого, кто мог бы дать ему дельный совет. У него не было добрых родственников аристократов, не было знающих друзей среди пэров. А эта дама только и умела, что обвинять и оскорблять.

– У меня не было долгов, пока я не унаследовал эту развалину. Черт возьми, неужели этот идиот, ваш муж, никогда не говорил с вами о делах поместья? Вы что, были в полном неведении о положении дел, когда выходили за него? Впрочем, неважно: кто-то должен посмотреть правде в глаза, – и, похоже, этим несчастным стану я.

Девон вернулся к столу и бросил, не оглядываясь:

– Уходите, мадам, ваше присутствие здесь нежелательно.

Кэтлин в ответ презрительно заявила:

– Приорат Эверсби простоял четыреста лет, пережил революции и войны, и вот оказалось достаточно всего лишь одного корыстолюбивого бездельника, чтобы превратить его в руины.

Как будто в сложившейся ситуации виноват он! Пропади все пропадом!

Девон усилием воли подавил гнев, потом с нарочитой небрежностью вытянул ноги и, покосившись на брата, бесстрастно спросил:

– Уэстон, это точно, что кузен Тео погиб в результате падения с лошади? Сдается мне, куда более вероятно, что он насмерть замерз в супружеской постели.

Уэстон расхохотался: никакие принципы не мешали ему получить удовольствие от злой шутки. Тотхилл и Фогг сидели, не поднимая глаз. И только когда Кэтлин шагнула за порог, громко хлопнув дверью, Уэстон заметил, изобразив возмущение:

– Брат, это было ниже твоего достоинства.

– Ничуть! – возразил Девон с каменным лицом. – И ты прекрасно это знаешь.

Долго еще после ухода Тотхилла и Фогга Девон сидел за столом, погруженный в невеселые мысли, листал бухгалтерскую книгу, но не мог ни во что вникнуть. Он почти не заметил, как Уэстон, с ворчанием зевая, вышел из кабинета. Девону не хватало воздуха, и раздраженно дернув за концы галстука, он сорвал его и распахнул ворот рубашки. Как же ему хотелось оказаться вновь в своем лондонском доме, где все так знакомо, удобно и комфортно! Если бы графом все еще был Тео, а он сам – только дальним родственником, то катался бы сейчас верхом по Гайд-парку, а потом, наверное, сидел бы за ленчем в своем клубе. Позже он мог бы встретиться с друзьями, чтобы посмотреть боксерский поединок или скачки, пойти в театр, посетить одну из любовниц, наконец. Никаких обязанностей – ничего, о чем надо было бы беспокоиться. Нечего терять.

Словно разделяя его унылое настроение, небо зарокотало. Девон бросил мрачный взгляд за окно. Ветер с моря нагнал грозовые тучи, они повисли над холмами, и небо стало черным, как облачение монаха. Гроза обещала быть страшной.

– Милорд! – Кто-то робко постучал по дверному косяку, привлекая его внимание. – Извините за беспокойство.

Девон встал и, постаравшись придать своему лицу любезное выражение, пригласил:

– Входите, леди Хелен.

Девушка с опаской вошла в комнату и, бросив быстрый взгляд в окно, посмотрела на Девона.

– Спасибо, милорд. Я пришла попросить разрешения послать лакея на поиски Кэтлин: гроза приближается.

Девон нахмурился.

– Где она?

– Пошла на ферму по ту сторону холма навестить миссис Лафтон, которая выздоравливает после родильной горячки. Кэтлин понесла ей мясной бульон и вино из черной бузины. Я хотела пойти с ней, но Кэтлин настояла, что пойдет одна: сказала, что ей нужно побыть в одиночестве и подумать. – Хелен нервно сплела пальцы. – Она должна была уже вернуться, но погода испортилась так быстро, что, боюсь, гроза может застать ее в пути.

Ничто на свете не доставило бы Девону большего удовольствия, чем зрелище насквозь промокшей и забрызганной грязью Кэтлин. Ему пришлось сдерживаться, чтобы злорадно не потирать руки.

– Незачем посылать лакея, – небрежно бросил он. – Уверен, леди Тренир достанет здравого смысла подождать на ферме арендатора, пока дождь не пройдет.

– Да, но дорогу размочит.

Вот и хорошо! Кэтлин, хлюпающая по грязи и глине, – это же великолепно! Девон не без труда сохранил серьезное выражение лица, тогда как внутри у него вспыхивали фейерверки веселья, и подошел к окну. Дождя еще не было, но черные тучи затянули небо почти целиком.

– Подождем немного: она может вернуться в любой момент.

Небосвод прорезали вспышки молний: три сверкающих зазубренных стрелы, – сопровождаемые грохотом, похожим на треск бьющегося стекла. Хелен подошла ближе.

– Милорд, я знаю, что вы с моей невесткой... обменялись мнениями...

– Выражение «обменялись мнениями» подразумевает цивилизованный спор, – остановил ее Девон. – Если бы наша, так сказать, «беседа» продлилась чуть дольше, мы порвали бы друг друга на куски.

Гладкий лоб Хелен пересекли хмурые складки.

– Вы оба оказались в трудных обстоятельствах, а это порой вынуждает людей говорить то, что они в действительности не думают. Однако если бы вы с Кэтлин могли отбросить ваши разногласия...

– Леди Хелен...

– Называйте меня кузиной.

– Кузина, если вы научитесь видеть людей такими, какие они есть, а не такими, как вы себе вообразили, это в будущем убережет вас от многих разочарований.

Хелен слабо улыбнулась.

– Я и сейчас вижу людей такими, какие они есть.

– Будь это так, вы бы понимали, что мы с леди Тренир оцениваем друг друга неверно: я – негодяй, а она – бессердечная стерва, вполне способная о себе позаботиться.

Глаза Хелен, похожие по цвету на серебристо-голубые лунные камни, озабоченно расширились.

– Милорд, за время нашего общего траура по покойному брату я успела хорошо узнать Кэтлин...

– Сомневаюсь, что она сильно горевала, – перебил Девон. – По ее собственному признанию, она не пролила ни слезинки из-за смерти вашего брата.

Хелен заморгала.

– Это она вам рассказала? А не объяснила почему?

Девон покачал головой.

Хелен растерялась.

– Я не должна вам это рассказывать.

Девона разобрало любопытство, но он умело скрыл его и небрежно пожал плечами.

– Ну и не думайте об этом: мое мнение о ней не изменится.

Как он и рассчитывал, его показное равнодушие возмутило Хелен, и она все-таки начала:

– Пожалуй, мне следует кое-что объяснить, если это поможет вам лучше понять Кэтлин. Вы клянетесь честью сохранить то, что я скажу, в секрете?

– Конечно! – с готовностью согласился Девон, поскольку не боялся клясться тем, чего у него нет.

Хелен подошла к окну. Небо то и дело раскалывали вспышки молний, их холодный свет озарял ее тонкие черты.

– Заметив, что после трагедии с Тео Кэтлин не плакала, я подумала: она старается держать свои чувства при себе, ведь все проявляют скорбь по-разному, но однажды вечером мы с ней сидели в гостиной за вышиванием, она уколола палец, но никак не отреагировала. Казалось, она этого даже не почувствовала. Она просто сидела и смотрела на выступившую капельку крови. В конце концов, я не выдержала, вскочила и, обмотав ее палец носовым платком, спросила, что с ней. Она смутилась, растерялась, а потом призналась, что никогда не плачет, что думала, что сможет пролить хотя бы несколько слезинок из-за смерти Тео, но этого не случилось.

Хелен замолчала. Казалось, все ее внимание захватил кусочек облупившейся краски на стене.

– Продолжайте, – предложил Девон.

Хелен положила кусочек краски на подоконник и принялась за следующий, словно отди- рала корку с наполовину зажившей раны.

– Я спросила Кэтлин, помнит ли она хотя бы один случай, когда плакала. Она сказала, что помнит: будучи еще маленькой девочкой, в тот день, когда покидала Ирландию. Родители сказали ей, что они все отправляются в Англию на трехмачтовом пароходе, приехали в порт и сделали вид, что погружаются на корабль. Но как только Кэтлин с няней ступила на трап, стало ясно, что родители с ней не едут. Мать пообещала, что она будет жить в Англии у очень хороших людей и когда им не придется так часто уезжать за границу, они непременно ее заберут. Кэтлин запаниковала, но родители повернулись и ушли, а няня потащила ее на корабль.

Хелен искоса взглянула на Девона, и он тихо выругался.

– После того как Кэтлин привели в каюту, она впала в истерику. В конце концов, няня рассердилась и заявила: «Если не перестанешь реветь, я уйду, ты останешься одна на свете, и некому будет за тобой ухаживать. Твои родители потому тебя и отправили из Ирландии, что ты такая капризуля». Хелен помолчала. – Кэтлин сразу же притихла, истолковав угрозу няни так, что ей вообще запрещено плакать. Это была цена выживания.

– Родители так и не забрали ее?

Хелен покачала головой.

– В тот день Кэтлин видела свою мать в последний раз. Через несколько лет леди Карбери умерла от малярии на обратном пути из путешествия по Египту, и когда Кэтлин сообщили о смерти матери, она остро почувствовала боль, но не могла пролить ни слезинки. То же самое произошло, когда умер Тео.

Стук крупных капель дождя был похож на звон монет.

– Понимаете, – тихо продолжила Хелен, – Кэтлин вовсе не бессердечная, переживает горе очень глубоко, но показать это не в состоянии.

Девон не знал, благодарить ему Хелен за это откровение или проклинать. Он не хотел испытывать сочувствие к Кэтлин, но то, что родители практически бросили ее в столь нежном возрасте, должно было повлиять на нее катастрофически. Он хорошо понимал желание избежать болезненных воспоминаний и эмоций, непреодолимую потребность держать душу наглухо закрытой.

– Лорд и леди Бервик хорошо к ней относились? – спросил он хрипло.

– Думаю, да: она говорит о них с нежностью. – Хелен помолчала. – В этой семье были очень строгие порядки, много правил, и за их исполнением неукоснительно следили. Воз-

можно, слишком большое внимание уделялось сдержанности. Единственным исключением были лошади. Они все были одержимы лошадьми. Вечером накануне свадьбы Кэтлин, за обедом, они с энтузиазмом обсуждали родословные и выездку лошадей, а о запахе конюшен отзывались с таким восторгом, словно речь шла об изысканных духах. Этот разговор продолжался почти целый час. Мне кажется, Тео это немного раздражало. Поскольку не разделял их страсть к лошадям, он чувствовал себя исключенным из разговора.

Девон воздержался от замечания, что его кузена вообще ничего, кроме собственной персоны, не интересовало. Он посмотрел за окно. Грозовая туча висела над пастбищем на вершине холма, вода лилась в меловые ручьи и затопляла низины. Мысль, что где-то там буря застигла Кэтлин в одиночестве, больше не доставляла ему удовольствия, и более того: стала невыносимой.

Бормоча под нос ругательства, Девон оттолкнулся от стола.

– Прошу меня простить...

– Так я могу отправить за Кэтлин лакея? – с надеждой спросила Хелен.

– Нет, я сам за ней поеду.

Хелен вздохнула с облегчением.

– Спасибо, милорд, вы очень добры!

– Это не доброта. – Девон направился к двери и бросил по дороге. – Я делаю это только ради возможности увидеть ее по щиколотку в грязи.

Кэтлин быстро шла по грунтовой дороге, которая, извиваясь, бежала между переросшей живой изгородью и дубравой. Вековые деревья шумели от приближающейся грозы, птицы и звери спешили спрятаться, от ветра кружились листья. Когда от оглушительного раската грома, казалось, содрогнулась земля, Кэтлин плотнее закуталась в шаль. Можно было бы вернуться на ферму Лафтонов, семья фермера, конечно, приютила бы ее, но она успела пройти уже половину пути до поместья.

Небо, казалось, разверзлось, дождь хлестал по земле и заливал дорогу, мгновенно покрывшуюся лужами, а потом и вовсе превратившуюся в грязную реку. Кэтлин нашла проеху в живой изгороди, сошла с дороги и двинулась через старое пастбище, расположенное на пологом склоне холма. За нижними полями земля, смешанная с глиной, образовала густую липкую массу, по которой идти было бы невозможно.

Ей бы пораньше сообразить, что погода меняется и разумнее было бы отложить визит к миссис Лафтон до завтра, но стычка с Девонем вывела ее из равновесия и лишила возможности рассуждать здраво. Теперь, после общения с миссис Лафтон, ее ярость поутихла, так что она могла яснее понимать ситуацию.

Сидя у постели, Кэтлин расспрашивала о здоровье женщины, о ее новорожденной дочери, и постепенно разговор перешел к ферме. В ответ на ее вопросы миссис Лафтон призналась, что Рейвенелы очень давно не вносили никаких усовершенствований на своих землях, никто даже не помнит, когда это было в последний раз. Мало того, условия аренды не поощряли фермеров самим что-то менять. Миссис Лафтон слышала, что в других поместьях некоторые арендаторы уже применяли передовые технологии фермерства, но на земле, принадлежащей приорату Эверсби, все оставалось так же, как было сто лет назад. Слова миссис Лафтон подтвердили то, о чем раньше говорил Девон.

Почему Тео ничего не сказал ей о финансовых трудностях поместья? Он говорил, что дом в таком запущенном состоянии, потому что никто не осмеливался менять интерьер, который выбирала его покойная мать. Тео обещал, что Кэтлин сможет заказать шелковый дамаст и французские обои на стены, новые бархатные шторы, обновить покраску, восстановить лепнину, купить новые ковры и мебель, а также отремонтировать конюшни и установить современное оборудование для лошадей.

Тео рассказывал ей сказку, и она звучала так заманчиво, что Кэтлин предпочла поверить, но все это было неправдой. Муж ведь понимал: в конце концов она узнает, что они не могут себе позволить ничего из того, что он обещал, – на что же рассчитывал? Ответ она никогда не узнает. Тео больше нет, и их брак закончился, не успев толком начаться. Сейчас ей оставалось только забыть о прошлом и направить свою жизнь в новое русло, но сначала придется признать неприятную правду, что она была несправедлива к Девону. Да, он высокомерен и груб, в этом нет сомнения, но решать судьбу приюриста Эверсби имеет полное право: поместье теперь принадлежит ему. Она повела себя бестактно, как сварливая тетка, и за это собиралась извиниться, даже зная, что он швырнет эти извинения обратно ей в лицо.

Кэтлин мрачно брела по траве, от воды дерн набух, как губка. Вода просачивалась сквозь швы ее туфель и пропитывала чулки. Черная вуаль, которую она отбросила назад, очень быстро намокла и стала тяжелой, усилив запах анилиновой краски, которой красили траурную одежду, и сделав его особенно едким. Вместо того чтобы лететь прочь из дома, нужно было сменить шляпку с вуалью на капор. Похоже, она не лучше близняшек: хороший же пример она им подает своим поведением.

В темном небе сверкнула молния, и Кэтлин, вздрогнув, подхватила юбки и быстрее побежала через поле. Дождь со свистом хлестал по земле, пригибая стебли короставника и васильков, так что их голубые цветы застревали в траве. К тому времени, когда она дойдет до края поля, глинистая почва превратится в жидкую грязь, а каблуки уже и так глубоко проваливались в размякшую землю.

Сверкнула очередная молния, а удар грома был таким мощным, что Кэтлин зажмурилась и закрыла руками уши, только сейчас она заметила, что где-то по пути потеряла шаль. Заслоня рукой глаза от дождя, она оглянулась. Шаль лежала мокрой кучкой в нескольких ярдах от нее, и пришлось идти обратно, чтобы ее поднять.

Вдруг впереди показалось что-то большое и темное, оно приближалось так быстро, что не увернуться. Кэтлин вскрикнула, инстинктивно повернулась и закрыла голову руками. Из-за грома и шума в собственных ушах и дрожа, она замерла в ожидании неизбежной катастрофы. Когда же ничего не случилось, ее не сбило с ног, она выпрямилась и вытерла лицо рукавом. Темная масса, маячившая рядом с ней, оказалась мужчиной, в котором Кэтлин с изумлением узнала Девона, верхом на крепком черном коне. Она не могла произнести ни слова, даже если бы от этого зависела ее жизнь. Девон не был одет для поездки верхом, даже перчаток, не захватил, но еще больше ее озадачило, что он надел фетровую шляпу с низкой тульей, какие носят конюхи, как будто позаимствовал у кого-то, уезжая в спешке.

– Леди Хелен попросила меня вас найти и привезти, – донеслось до нее сквозь шум непогоды. – Если хотите, можете вернуться со мной, или мы будем стоять тут, среди грома и молний, пока оба не вспыхнем. Лично я предпочел бы второй вариант – все лучше, чем корпеть над бухгалтерскими книгами.

Кэтлин воззрилась на него в растерянности и изумлении. Теоретически было вполне возможно сесть на одного коня вместе с Девонем и вернуться в поместье вдвоем: его конь спокойный и мощный, вполне подходил для этой задачи, – но когда Кэтлин попыталась представить, что их тела соприкасаются, его руки обхватывают ее... Нет! Она не вынесет такой близости ни с одним мужчиной. При одной мысли об этом она покрылась мурашками.

– Я не могу ехать верхом с вами, – попыталась как можно решительнее сказать Кэтлин, но голос дрожал и прозвучало это жалобно.

По лицу ее стекали струйки дождя, попадали даже в рот. Девон хотел уже было что-то съязвить, но когда взгляд его скользнул по ее жалкой фигуре в намокшей одежде, его лицо смягчилось.

– Тогда вы садитесь на коня, а я вернусь пешком.

Это предложение так ошеломило Кэтлин, что некоторое время она только смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова, потом все же ей удалось произнести:

– Нет. Но... спасибо. Пожалуйста, возвращайтесь.

– Тогда мы оба пойдем пешком, – легко согласился Девон. – Или оба поедem верхом. Но я вас здесь одну не оставлю.

– Я прекрасно...

Она не договорила, вздрогнув от оглушительного раската грома.

– Позвольте мне отвезти вас домой, – еще раз предложил Девон таким тоном, словно они стояли в гостиной, а не под проливным дождем, и вели светскую беседу. Если бы он сказал это во властной манере, то, возможно, Кэтлин смогла бы отказаться, но он каким-то образом догадался, что лучший способ подточить ее решимость – смягчить подход.

Конь уже всюю тряс головой и бил копытом раскисшую землю. Кэтлин в отчаянии поняла, что ей придется возвращаться верхом вместе с Девоном. Другого выхода не было. Она обхватила себя руками и взволнованно начала:

– С-сначала я должна вам кое-что сказать...

Девон вскинул брови, глядя на нее.

– Я... – Она нервно сглотнула. – То, что я сказала сегодня в кабинете, было неуместно и несправедливо, и я прошу за это прощения. Я была не права, и обязательно скажу это мистеру Тотхиллу и мистеру Фоггу. И вашему брату, конечно.

Выражение лица Девона изменилось, уголок губ чуть приподнялся в намеке на улыбку. От этого сердце Кэтлин вдруг сбилось с ритма.

– Можете не трудиться: до того, как все будет сказано и сделано, все трое не раз еще и не так меня назовут.

– Тем не менее было несправедливо с моей стороны...

– Считайте, что я все забыл. Поехали, дождь усиливается.

– Мне нужно подобрать шаль.

Девон проследил за ее взглядом и показал на темную массу неподалеку.

– Это она? Боже правый, да бросьте ее.

– Я не могу...

– Она все равно уже испорчена. Я куплю вам другую.

– Я не могу принять от вас такой личный подарок. Кроме того, теперь, когда у вас есть Эверсби, вы не можете позволить себе лишние расходы.

Он сверкнул зубами в усмешке.

– Ерунда! Насколько я могу судить, с таким количеством долгов, как у меня, вряд ли стоит утруждать себя экономией.

Он отодвинулся от луки седла и протянул Кэтлин руку. На фоне грозового неба четко вырисовывалась его крупная подтянутая фигура, и хотя суровые черты лица были в тени, она с сомнением посмотрела на него. На то, чтобы поднять ее с земли, оставаясь в седле, понадобилась бы недюжинная сила, поэтому она неуверенно спросила:

– А вы не уроните меня?

Девон принял оскорбленный вид.

– Мадам, я же не какой-нибудь слабосильный хлыщ.

– Мокрые юбки очень тяжелые...

– Давайте руку.

Она подошла ближе, и когда он крепко взял ее за руку, по телу прошла дрожь. К ней не прикасался ни один мужчина три месяца, с тех самых пор как умер Тео. Присутствовавший на похоронах лорд Бервик неловко попытался ее обнять, но она вместо этого протянула ему руку в перчатке и прошептала: «Я не могу».

Лорд Бервик понимающе кивнул. Хоть он и был добрым, нежность проявлял редко. То же самое относилось и к леди Бервик, великодушной, но очень сдержанной. И своих дочерей, и Кэтлин она тоже старалась научить сдержанности, считая это важным: «Управляйте своими эмоциями, иначе они будут управлять вами».

Ледяные струи воды являли собой такой резкий контраст с теплом руки Девона, что она поежилась.

– Чтобы я смог вас поднять, постарайтесь нащупать левой ногой стремя. Только не пытайтесь перекинуть ногу через коня: просто садитесь боком, как если бы на нем было женское седло.

– То есть мне надо подпрыгнуть?

– Да, было бы очень кстати.

Кэтлин собралась с силами и подпрыгнула так высоко, как только смогла. Девон подхватил ее и с поразительной легкостью поднял. Ей даже не пришлось искать ногой стремя, она просто аккуратно приземлилась в седло, ахнула, стараясь не потерять равновесие, но Девон выпрямился и крепко обхватил ее левой рукой.

– Все, я вас держу, устраивайтесь.

Она напряглась, чувствуя, как сокращаются его мускулы, а горячее дыхание согревает ей ухо.

– Вот так ходить с гостинцами к больным соседям. Они-то сидят сейчас дома в тепле и сухости, а вы мокнете под дождем, – проговорил Девон наставительно.

Кэтлин все еще пыталась унять дрожь, которая сотрясала ее тело, но все же сумела выдать:

– Почему вы за мной приехали?

– Леди Хелен волновалась. – Убедившись, что она сидит надежно, Девон левой рукой стянул с нее шляпку с вуалью и бросил на землю. Кэтлин не успела отреагировать, как он пояснил: – Извините, но эта краска пахнет как пол в таверне в Ист-Энде. А теперь перекиньте ногу на другую сторону седла.

– Не могу, юбка мешает.

Конь нетерпеливо переступил с ноги на ногу, и, пытаясь найти точку опоры на гладком седле, Кэтлин случайно ухватила за бедро Девона, твердое, как камень, и, ахнув, отдернула руку. Сердце пустилось вскачь, грудь сдавило, воздуха не хватало.

Девон временно переложил поводья в левую руку, снял шляпу, нахлобучил ее на голову Кэтлин, а потом потянул за смятые и перекрученные слои ее многочисленных юбок, пока она не смогла разогнуть колено так, чтобы можно было перекинуть ногу через холку коня. В детстве ей доводилось сидеть верхом вместе с одной из сестер Бервик, когда они ездили на прогулку на пони, но это не шло ни в какое сравнение с тем, что она чувствовала сейчас, когда прямо за ее спиной сидит крепко сложенный мужчина, а его ноги обхватывают с боков ее ноги. Ухватиться ей было не за что, кроме гривы коня: ни поводьев в руках, ни стремян под ногами. Девон пустил коня легким галопом. У породистого скакуна это легко и плавно, но с широкогрудым тягловым конем все по-другому: ноги его расположены шире и дальше от центра тяжести, трехтактный ритм получается короче. Кэтлин сразу поняла, что Девон – превосходный наездник: он двигался вместе с конем и управлял им четкими сигналами. Она пыталась приспособиться к ритму хода коня, но это было совсем не похоже на езду верхом в одиночку. Она со стыдом обнаружила, что подсакивает в седле, как новичок.

Девон обхватил ее крепче.

– Расслабьтесь, я не дам вам упасть.

– Но мне не за что...

– Просто расслабьтесь.

Чувствуя, как ловко он управляет их совместным центром тяжести, она попыталась расслабить напряженные мышцы. Изгиб ее спины пришелся точно на его грудную клетку, и, словно по волшебству, она почувствовала ритм движения коня. Она растворилась в этом ритме и испытала странное удовлетворение от ощущения, что их тела движутся в идеальном тандеме.

Ладонь Девона с растопыренными пальцами была прижата к ее животу, поддерживая. Даже через слои ткани она чувствовала, как сильные мускулы его бедер ритмично сокращаются. Где-то внутри ее стала зарождаться сладкая боль, она усиливалась так, что, казалось, что-то может переломиться.

Когда дорога пошла вверх по склону холма, Девон пустил коня медленным шагом и наклонился вперед, чтобы перенести больше веса на передние ноги коня. Кэтлин пришлось тоже наклониться вперед, и она схватилась за грубую черную гриву коня. Девон что-то сказал, но раскат грома заглушил его голос. Чтобы лучше расслышать, она повернулась к нему лицом и почувствовала, как крошечные жесткие волоски щетины на его челюсти царапнули ей щеку. От этого ощущения у нее зашекотало в горле, словно от кусочка медовых сот.

– Мы почти на месте, – повторил Девон, – и ее мокрой коже его дыхание показалось обжигающим.

Они спустились с холма и поскакали в сторону конюшенного блока – двухэтажного здания из бордового кирпича с арочными входами и каменным забором.

В одной стороне здания размещалась дюжина верховых лошадей, в другой – десять упряжных и мул. В конюшне имелась также седельная комната, помещение для упряжи, каретный сарай и жилища конюхов. Все эти помещения были в куда лучшем состоянии, чем господский дом в Эверсби. Это, без сомнения, было заслугой хозяина конюшен, мистера Блума, плотного йоркширского джентльмена с седыми бакенбардами и живыми голубыми глазами. Что мистер Блум не добрал в росте, то компенсировал силой мускулов: руки у него были такие мясистые и сильные, что он мог колоть пальцами грецкие орехи. Никогда еще ни одна конюшня не отвечала столь высоким стандартам: пол был всегда безупречно чист, все кожаные и металлические детали отполированы до блеска. Лошади в ведение мистера Блума жили лучше иных людей. Кэтлин познакомилась с ним примерно за две недели до несчастья с Тео, и он ей сразу же понравился. Блум знал о лошадиной ферме Карбери-парк и об особенной разновидности арабских скакунов, которую вывел отец Кэтлин, и был счастлив принять Асада в конюшню Рейвенелов. После трагедии с Тео мистер Блум поддержал Кэтлин в ее решении не усыплять Асада, вопреки требованиям друзей Тео и пэров. Мистер Блум понимал, что в случившееся внесло свой вклад безрассудство Тео.

– Всадник никогда не должен приближаться к коню в гневе, – сказал Блум Кэтлин, когда они были одни. Мистер Блум знал Тео с детства, именно он научил его ездить верхом, поэтому оплакивал его смерть совершенно искренне. – Особенно это касается арабской породы. Я говорил лорду Трениру: если с Асадом бороться, он так возбуждается, что дичает. Я видел, что его светлость в дурном настроении, говорил ему, что в этот день лучше ему бы поехать на другом коне, но он не пожелал меня слушать. И все равно я виню себя.

После смерти Тео Кэтлин не могла заставить себя прийти в конюшни. Она совсем не винила Асада в случившемся, но боялась того, что может почувствовать, когда его увидит. Она подвела Асада, и Тео тоже подвела, и она не знала, когда сможет примириться с тем и другим и сможет ли вообще.

Кэтлин осознала, что они проезжают под главной аркой конюшен, и на мгновение закрыла глаза, чувствуя, как холодеет в желудке. Она крепко сжала зубы и сумела сохранить молчание. С каждым вдохом она вбирала такие знакомые и успокаивающие с детства запахи лошадей, подстилки, корма.

Девон остановил коня, спустился на землю, и тем временем к ним подошли два конюха.

– Парни, позаботьтесь как следует о копытах, – донесся доброжелательный голос мистера Блума. – Такая погода не самая лучшая для верховых прогулок. – Он посмотрел на Кэтлин, и его манеры тут же изменились. – Миледи. Рад снова видеть вас здесь.

Их взгляды встретились. Кэтлин ожидала увидеть осуждение в его глазах: ведь она не появлялась фактически в конюшне, бросив Асада, – но во взгляде мистера Блума читалось только дружелюбие и участие. Она улыбнулась:

– Я тоже рада вас видеть, мистер Блум.

Спускаясь с коня, Кэтлин удивилась, когда Девон стал ей помогать: придержал за талию, чтобы предотвратить падение. Она повернулась к нему лицом, и он осторожно снял с ее головы шляпу, поскольку с нее капала вода, и передал хозяину конюшни.

– Мистер Блум, спасибо, что одолжили шляпу.

– Я рад, что с леди Тренир все в порядке: такая гроза! – Он заметил, что взгляд Кэтлин метнулся к ряду стойл, и добавил. – Миледи, Асад в прекрасной форме. Думаю, он будет рад услышать от вас пару словечек.

Сердце Кэтлин забилося в суматошном ритме, ей показалось, что пол конюшни уходит из-под ее ног, и она отрывисто кивнула.

– Я... наверное, да смогу ненадолго к нему подойти.

К своему изумлению, она почувствовала как пальцы Девона касаются ее подбородка, мягко побуждая повернуть голову. Его лицо было мокрым, ресницы слиплись, с волос капала вода, и они блестели как атлас.

– Может быть, позже, – сказал он, обращаясь к мистеру Блуму, хотя его пристальный взгляд был прикован к Кэтлин. – Мы же не хотим, чтобы леди Тренир простудилась.

– Это да, не хотим, – поспешно согласился хозяин конюшни.

Кэтлин натужно сглотнула и с трудом оторвала взгляд от глаз Девона. Глубоко внутри у нее все дрожало, нарастала паника, и она прошептала:

– Я хочу его видеть.

Она пошла к стойлам, Девон молча последовал за ней. Кэтлин слышала, как мистер Блум отдает распоряжения помощникам, чтобы позаботились о тяжеловозе.

– Парни, не болтайте без дела, оботрите его как следует и дайте теплое пойло.

Асад из стойла в конце ряда настороженно наблюдал за приближением Кэтлин: он узнал ее, поднял голову и наострил уши. Конь не был крупным – скорее изящным, но с сильными задними ногами, что давало одновременно и высокую скорость, и выносливость. Светло-каштановый окрас шкуры, соломенно-желтые грива и хвост делали на солнце его золотистым.

– Ну здравствуй, мой мальчик! – тихо воскликнула Кэтлин и протянула ему руку ладонью вверх.

Асад понюхал ее руку и, приветственно заржав, опустил красивую голову и подошел к передней части стойла. Кэтлин ласково погладила его по лбу и носу, в ответ он тихо фыркнул, явно довольный, и придвинулся ближе.

– Прости, что раньше не приходила. – Кэтлин обуревало раскаяние, и она неловко наклонилась вперед, чтобы поцеловать коня между глазами, и почувствовала, как он легко пощипывает губами ткань ее платья на плече. Ее губы сложились в улыбку, она легонько оттолкнула его голову и потеряла атласную шею так, как ему всегда нравилось, потом погрузила пальцы в гриву и почувствовала, как он кладет голову ей на плечо. От этого жеста у нее перехватило дыхание: не заслужила она такого доверия, такой преданности...

Ее горло болезненно сжалось. Сколько она ни глотала, ком в горле не уходил и мешал ей дышать. Она убрала руки от шеи любимца и отвернулась, судорожно вздыхая и с трудом удерживаясь на ногах, и тут же наткнулась на твердую, как стена грудь Девона. Он подхватил ее под локти, не давая упасть.

– Что с вами?

Ее сердце билось так часто, что она едва расслышала его голос, но все же покачала головой.

Девон слегка встряхнул ее.

– Так что случилось?

Но слова не шли. Из ее горла вырывалось только хриплое дыхание, которое совершенно неожиданно – и в первую очередь для нее – перешло в судорожные рыдания. Давление в горле внезапно нашло выход, глаза наполнились жгучими слезами, словно жидким огнем, и она в слепом отчаянии оттолкнула Девона.

– Боже, только не это...

Как ни старалась ничего не чувствовать, стремительно теряла контроль над собой, да еще и при самых унижительных обстоятельствах, какие только можно было представить: и меньше всего на свете она хотела, чтобы свидетелем ее слабости был Девон.

Он крепко взял ее за плечи и, не обращая внимания на ее попытки вырваться, повел мимо стойл.

– Милорд? – всполошился мистер Блум. – Что-то леди нужно леди Тренир?

– Уединение, – коротко бросил Девон. – Куда я могу ее отвести?

– В седельную. – Хозяин конюшни показал на арочный проход в конце ряда стойл.

Девон едва ли ни на руках затащил Кэтлин в комнату без окон, стены которой были обшиты деревянными досками. Она судорожно хватилась за него, словно утопающая, а он, пытаясь успокоить, все повторял ее имя, не давая вырваться. Чем яростнее она сопротивлялась, тем крепче он ее держал, пока она не прильнула, наконец к его груди, сжавшись в беспомощный комочек. То, что она пыталась сдержать рыдания, рвавшиеся из груди и сотрясавшие ее тело, не помогало – скорее наоборот: делало только хуже.

– Вы в безопасности, – услышала она голос Девона. – Расслабьтесь, вам ничто не угрожает, я вас держу.

Кэтлин смутно сознавала, что больше не пытается вырваться, а, наоборот, старается прижаться к нему еще крепче, спрятаться на его груди. Она обхватила руками его шею, уткнулась в нее лицом и зарыдала так, что больше не могла ни думать, ни дышать. Эмоции хлынули потоком, все разом, так что невозможно было отделить одну от другой. Казалось безумием чувствовать столько всего одновременно. Корсет стал вдруг слишком тугим, и словно живое существо, сжал ее своими челюстями. Кэтлин стала слабеть, ноги подкосились, и тело начало медленно оседать, но сильные руки подхватили ее и удержали. Она перестала понимать, где находится, утратила всякий контроль над происходящим и могла лишь раствориться в поглотившей ее темноте.

Глава 4

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем к ней стало медленно возвращаться сознание. Кэтлин заворочалась, смутно сознавая окружающие звуки: тихие разговоры, чьи-то удаляющиеся шаги и несмолкающий стук дождя. Ей хотелось еще немного подремать, и она попыталась защититься от звуков, но почувствовала, как что-то теплое и мягкое коснулось ее щеки и задержалось там. От этого ощущения ее чувства ожили: руки и ноги были расслаблены и казались тяжелыми, голова лежала на чем-то удобном, и что-то крепко держало ее около твердой поверхности, которая мерно поднималась и опускалась. С каждым вдохом она явственнее различала запах лошадей, кожи и чего-то еще, напоминающего ветивер. Она была немного сбита с толку – вроде бы все происходило утром, но что-то казалось не совсем правильным.

Кэтлин вспомнила грозу и застыла.

– Вы в безопасности, так что просто обопритесь на меня, – прошептал низкий голос, щекоча ей ухо.

Ее глаза распахнулись.

– Что... – Кэтлин запнулась и заморгала. – Где... ох!

Обнаружив, что смотрит в бездонные синие глаза, она вдруг почувствовала, как что-то заняло под ребрами: нет, это вовсе не было неприятно – и поняла, что Девон ее обнимает. Они лежали на полу в седельной на груди сложенных попон и ковриков. Эта каморка оказалась самым теплым и сухим местом во всей конюшне и для удобства располагалась рядом со стойлами.

Кэтлин поняла, что еще не готова пока посмотреть в глаза ужасной правде: ее поведение совершенно неприлично – и опять закрыла глаза. Веки опухли и чесались, она хотела было их потереть, но Девон не позволил, ухватив ее запястье.

– Не стоит: только хуже сделаете. – Он вложил ей в руку мягкую тряпицу из тех, которыми полировали заклепки на упряжи. – Она чистая, мистер Блум принес ее всего несколько минут назад.

– Он не... то есть, надеюсь, я не была... не лежала вот так? – сдавленно пролепетала Кэтлин тоненьким голоском.

Девона это, казалось, позабавило.

– Вы имеете в виду, в моих объятиях? Боюсь, что так.

– Должно быть, он подумал... – От отчаяния она тихо застонала.

– Ничего он не подумал, только сказал, что вам пойдет на пользу немного поплакать, чтобы полегчало.

Сгорая от стыда, Кэтлин промокнула глаза и высморкалась.

Девон погрузил ладонь в ее спутанные волосы и стал легонько поглаживать голову кончиками пальцев. Она понимала, что, позволяя ему прикасаться к ней таким образом, крайне неприлично, но это было так приятно, что Кэтлин не могла заставить себя что-либо изменить.

– Расскажите же, что произошло, – тихо сказал Девон.

У Кэтлин внутри образовалась пустота, тело вдруг обмякло, даже покачать головой стало вдруг не под силу. Девон продолжал успокаивающе поглаживать ее по голове, перебирая каштановые шелковистые пряди.

– Вам станет легче.

У Кэтлин не было сил отказать.

– Это была моя вина, – услышала она свой голос, а из уголка глаза потекла горячая струйка и скрылась в волосах. – Из-за меня Тео больше нет.

Девон молчал, давая ей возможность собраться с мыслями, и она сбивчиво начала:

– Это я его довела. Мы поссорились, и я вела себя неподобающе, язвила. Я собиралась тем утром поехать кататься на Асаде, но Тео хотел, чтобы я осталась дома, и мы продолжили выяснять отношения. А я отказалась – это бессмысленно, когда он в таком состоянии. Тогда он заявил, что поедет со мной, но я ему ответила... – В общем, сказала, что ему за мной не угнаться. Он пил всю ночь и все еще был нетрезв.

Девон погладил подушечкой большого пальца ее висок, по которому стекала соленая струйка, и продолжил вместо нее:

– И он решил доказать, что вы неправы.

Кэтлин лишь кивнула, у нее дрожал подбородок, и говорить она не могла.

– Он выскочил из дома и в ярости бросился к конюшне, полупьяный, – догадался Девон. – И заявил, что поедет на коне, с которым, вероятно, не совладал бы и трезвый.

Ее лицо исказил спазм, и она с трудом выдавила:

– Потому что я вела себя не так, как следовало хорошей жене...

Она икнула и всхлипнула.

– Помолчите, успокойтесь, – предложил Девон, убрал руку из ее волос и приподнял ее повыше у себя на коленях, так что их глаза теперь оказались почти на одном уровне, потом, как ребенку промокнул ей щеки и глаза. – Давайте рассуждать здраво. Во-первых, что касается обращения с Тео: муж – не лошадь, которую нужно дрессировать. Мой кузен был взрослым мужчиной и сам распоряжался своей судьбой. Он всего лишь сделал неправильный выбор: рискнул – и поплатился за это.

– Да, но он был пьян, а я...

– Это было его решение, – перебил Девон.

Его прямота и деловитый подход поразили Кэтлин. Она ожидала обвинений куда больших, чем она сама себя винила, а он...

– И все же... Тео не владел собой, когда бывал в гневе, не мог рассуждать здраво. Мне следовало найти способ его успокоить, а я вместо этого разозлила его еще больше.

– Вы за него не в ответе: спасти Тео от самого себя не было вашей задачей. Если он решил вести себя как неуравновешенный мальчишка, его никто не мог бы остановить.

– Но как вы не понимаете, это я привела его в бешенство, он ничего не мог с этим поделать.

Девон скривил губы, словно услышал какую-то нелепость.

– Ну почему же? Мог.

– Откуда вы знаете?

– Потому что я тоже Рейвенел. У меня такой же характер. И всякий раз, когда иду на поводу у своих эмоций, я прекрасно сознаю, что делаю.

Кэтлин покачала головой, никак не желая с ним соглашаться.

– Вы не слышали, как я с ним говорила: зло, язвительно... Ох, видели бы вы его лицо!..

– Не сомневаюсь в ваших способностях, но несколько резких слов – недостаточная причина в истерике бросаться куда глаза глядят и вести себя самоубийца.

Пытаясь заставить себя согласиться с ним, Кэтлин вдруг осознала, что ее пальцы касаются его коротко стриженных волос на затылке. Она что, обнимает его за шею? Какой кошмар. Она густо покраснела и, отдернув руки, неловко пробормотала:

– Вы не сочувствуете Тео, потому что он вам не нравился, но...

– Я все еще не решил, нравитесь ли мне вы, но это несколько не меняет моего отношения к создавшейся ситуации.

Кэтлин удивленно посмотрела на него: почему-то эта холодная, без сантиментов оценка успокаивала больше, чем сочувствие, – и она продолжила:

– Когда это случилось, они побежали за мной. Тео лежал на земле, у него была сломана шея, и никто не хотел его трогать до приезда доктора. Я склонилась над ним и позвала по

имени, а когда он услышал мой голос и открыл глаза, поняла, что он умирает. Я коснулась рукой его щеки и сказала, что люблю его, а он ответил: «Ты мне не жена». Это были его последние слова, больше он ничего не сказал. К тому времени, когда прибыл доктор, он уже был мертв...

Из ее глаз опять брызнули слезы. Она не сознавала, что теребит в руках мокрую тряпицу, пока Девон не накрыл обе ее руки ладонью, успокаивая.

– Я бы не стал принимать близко к сердцу его последние слова, – сказал Девон. – Вряд ли можно было ожидать от него адекватных рассуждений при сломанной шее. – Он опять погладил ладонью костяшки ее пальцев. – Послушайте, маленькая плакса: совершать опрометчивые поступки всегда было в характере моего кузена. Безрассудство у Рейвенелов в крови. Тео мог бы жениться на святой, и все равно не сумел бы держать себя в руках.

– Я определенно не святая, – грустно призналась Кэтлин, опустив глаза.

– Я это понял в первую же минуту, как только вас увидел. – В голосе Девона слышались веселые нотки.

Не поднимая головы, Кэтлин посмотрела на его ладонь, лежащую на ее руках: покрытая тонкими волосками, она была по-мужски изящной, но в ней чувствовалась сила.

– Как бы я хотела повернуть время вспять: все было бы по-другому, – прошептала она с горечью.

– Вы не должны винить себя в том, что случилось. Вы прямо-таки наслаждаетесь своим мученичеством.

– Что вы имеете в виду?

Он пристально посмотрел ей в лицо.

– Даже благопристойная леди может находить некоторое удовольствие в супружеских объятиях.

Кэтлин ахнула от возмущения.

– Я... вы... как вы смеете говорить на такую тему! – Девон был таким заботливым, так утешал ее, а теперь снова превратился в невыносимого хама. – Как будто я стану это с кем-то обсуждать, тем более с вами!

Она изогнулась и попыталась встать с его колен, но он с легкостью удержал ее на месте и заметил:

– Прежде чем вы удалитесь в благородном негодовании, возможно, вам стоит зашнуровать корсет.

– Корсет? – Кэтлин опустила взгляд и, к своему ужасу обнаружив, что несколько верхних пуговиц на ее платье расстегнуты и корсет расшнурован на двух верхних крючках, густо покраснела. – О, как вы могли!

Его глаза весело блеснули.

– Вам было трудно дышать, и я подумал, что сейчас воздух важнее чопорности. – Он некоторое время понаблюдал за ее лихорадочными попытками зашнуровать корсет, потом вежливо предложил: – Позвольте вам помочь?

– Нет! Хотя я и уверена, что вы большой мастер помогать леди с нижним бельем.

Девон рассмеялся.

– Ну, насчет леди вы заблуждаетесь.

Кэтлин после пережитого за день так обессилела, что не могла справиться с таким привычным делом: пыхла и изворачивалась, пытаясь стянуть края корсета. Понаблюдав за ней еще немного, Девон не выдержал и без лишних церемоний оттолкнул ее руки и принялся ловко шнуровать корсет. Почувствовав, как костяшки его пальцев касаются ее кожи выше груди, она ахнула, а Девон, покончив с крючками, принялся за пуговицы на корсаже.

– Расслабьтесь, никто не собирается на вас набрасываться: я не настолько развратный тип, как, возможно, гласит моя репутация. К тому же бюст таких скромных пропорций хотя и очарователен, но все же не настолько, чтобы я сошел с ума от похоти.

Кэтлин сердито нахмурилась и застыла, в тайне испытывая облегчение оттого, что он опять дал повод его ненавидеть. Его длинные пальцы ловко вставляли каждую пуговичку в крошечную шелковую петельку, глаза были опущены, так что длинные ресницы отбрасывали тени на щеки.

– Ну вот, – готово!

Кэтлин стала торопливо, как ошпаренная кошка, выкарабкиваться из его объятий, но, видно, неудачно поставила колено.

– Осторожно! – поморщился Девон. – Определенные части моего тела имеют большую ценность для поместья, если мне предстоит произвести на свет наследника, чем фамильные реликвии.

– Для меня они не имеют ценности! – заявила Кэтлин, неловко поднимаясь на ноги.

– Тем не менее я к ним привязан.

Он усмехнулся, легким движением встал на ноги и протянул руку Кэтлин. Осмотрев свои юбки, пребывавшие в плачевном состоянии, она попыталась придать им мало-мальски приличный вид и принялась стряхивать прилипшее к черному крепу сено, лошадиные волосы и пыль.

– Может проводить вас до дома? – предложил Девон.

– Будет лучше, если мы вернемся порознь, – возразила Кэтлин.

– Как пожелаете.

– Мы никогда не будем об этом вспоминать. И еще... мы по-прежнему не друзья.

Он встретил и удержал ее взгляд.

– Тогда значит, враги?

– Это зависит от... – Она прерывисто вздохнула. – Что... что вы собираетесь делать с Асадом?

Его лицо смягчилось.

– До тех пор, пока не будет объезжен, он останется в поместье. Пока это все, что я могу вам обещать.

Не на такой ответ она рассчитывала, но все же это было лучше, чем если бы он заявил, что намерен сразу продать Асада. Если коня можно обучить заново, по крайней мере есть надежда, что он, в конце концов, попадет к доброму хозяину.

– Тогда... думаю, мы не враги.

Девон стоял перед ней в рубашке без галстука, с расстегнутым воротом, низ его штанин был в грязи, волосы разлохмачены, и в них застряли сухие травинки, но почему-то в таком растрепанном виде он казался ей еще привлекательнее. Кэтлин неуверенно подошла к нему, подняла руку и вытащила из волос клочок сена. Растрепанные темные волосы так и манили к ним прикоснуться, непослушная прядь прямо-таки умоляла заправить ее за ухо.

– Сколько времени длится траур? – вдруг спросил Девон.

Она растерянно заморгала, вырванная из своих грез.

– Для вдовы? Он состоит из четырех периодов.

– О боже!

– Первый длится год, второй – полгода, третий – три месяца. Ну а вообще-то продолжается всю жизнь.

– А если вдова захочет снова выйти замуж?

– Это возможно через год и один день. Правда, в обществе косо смотрят на столь поспешное замужество, если только это не исключительный случай, когда она остается без средств к существованию.

– То есть в принципе это не запрещено?

– Нет. Почему вы спрашиваете?

Он небрежно пожал плечами.

– Просто из любопытства. Для мужчин траур обязателен лишь в течение полугода – вероятно потому, что дольше они бы не выдержали.

Кэтлин пожала плечами.

– Чувства мужчин отличаются от женских.

Встретив его вопросительный взгляд, она пояснила:

– У женщин они сильнее. Вы не согласны?

– Я думаю, вы плохо знаете мужчин.

– Я была замужем и знаю все, что хочу знать. – Кэтлин подошла к порогу, потом помедлила и оглянулась. – Спасибо.

Он не успел ничего ответить. После ухода Кэтлин Девон медленно подошел к двери, прислонился лбом к косяку, закрыл глаза и вздохнул, пытаясь вернуть самообладание. Боже правый, как же он ее хотел, хотел до неприличия!

Он повернулся и прислонился спиной к обитой досками стене, силясь понять, что с ним происходит. Его охватила эйфория и одновременно ощущение катастрофы. Он чувствовал, что с ним произошла необратимая перемена, и обратного пути нет.

Девон совершенно не выносил, когда женщины плачут: обычно при первых признаках слез он спешил удрать, как заяц от гончих. Но как только его руки обхватили Кэтлин, в одно мгновение весь его мир, прошлое, все, в чем он был раньше уверен, было перечеркнуто. Она потянулась к нему – не в страсти, не от страха, но из простой человеческой потребности в близости, и это его наэлектризовало. Никогда еще никто не искал у него утешения, и само это действие, когда он ее утешал, оказалось куда интимнее, чем самое страстное совокупление. И в момент этой милой, безыскусной близости у него возникло ощущение, будто ее окутала сила самого его существа. Его мысли пришли в беспорядок, мышцы все еще чувствовали ее небольшой вес. До того как она полностью очнулась, он поцеловал ее, хоть и в щеку, мокрую от дождя и соленую от слез, и почувствовал желание целовать ее снова и снова, держать в объятиях, обнаженную и обессиленную. У него был большой опыт, и физические удовольствия давно утратили ощущение новизны, но Кэтлин Рейвенел возбуждала его так, что это поражало.

Положение хуже некуда! – думал он в растерянности. Разваливающееся поместье, никаких доходов и женщина, совершенно недоступная для него. Год и день Кэтлин будет в трауре, но даже после этого останется для него недостижимой. Она никогда не опустится до положения любовницы, а после того, что ей пришлось пережить с Тео, не захочет иметь ничего общего с еще одним Рейвенелом.

В таком мрачном настроении Девон поднял с пола свой плащ, помятый и пыльный, встряхнул, набросил на плечи и направился из седельной к стойлам. В дальнем конце конюшни два парня чистили стойло и переговаривались, заметив его, тут же замолчали, и стало слышно только шорох метлы и шарканье совка. Некоторые лошади смотрели на незнакомца с любопытством, другие не проявляли интереса. Девон пошел дальше, к стойлу арабского скакуна, стараясь не совершать резких движений, чтобы не испугать коня. Асад повернул голову вбок, ноздри его раздулись, выдавая волнение.

– Спокойно, все хорошо, – прошептал Девон. – Хотя винить за то, что морщишь нос при появлении Рейвенела, я тебя не могу.

Асад стал нервно переступать с ноги на ногу и махать хвостом, потом медленно направился к калитке.

– Поосторожнее с ним, милорд, – раздался спокойный голос мистера Блума где-то за спиной. – Он и укусить может. Асад предпочитает женское общество, а мужчин недолюбливает.

– Это лишний раз доказывает, что ты умен, приятель, – сказал Девон и протянул коню руку ладонью вверх, как, он видел, делала Кэтлин.

Асад осторожно принялся, пошевелил губами, опустил голову, демонстрируя покорность, и ткнулся мордой ему в руку. Девон улыбнулся и, погладив коня по голове, обрадовано проговорил.

– Красивый ты парень!

– И он это отлично знает, – заметил мистер Блум и подошел ближе. – Он учуял от вас запах ее светлости, так что теперь примет вас с радостью. Как только лошадь поймет, что вы для нее безопасны, будет делать все, о чем попросите.

Девон провел рукой по стройной шее коня до крепкого плеча, наслаждаясь мягкостью и гладкостью шкуры, похожей на живой шелк.

– Что вы скажете о его характере? – спросил Девон. – Если леди Тренир продолжит его объезжать, это не слишком опасно?

– Нисколько, милорд. Асад будет идеальным конем для дамы, если только его как следует подготовить. Он не строптивый, но очень чувствительный: все видит, все слышит, все чувствует по запаху. Чистокровки, они умные. На них лучше ездить с мягкой упряжью и править нежными руками. – Блум помялся, пощипывая пальцами белые бакенбарды. – Асада привезли сюда из Леоминстера за неделю до свадьбы. Лорд Тренир пришел в конюшню взглянуть на него, но Асад его укусил. Его светлость с силой ударил его по морде. А ведь я его предупреждал: «Милорд, если пустите в ход кулаки, то доверия от него добьетесь». – Блум печально покачал головой. – Я знал хозяина, когда он был еще славным маленьким мальчишкой. В приорате все его любили, но признавали, что он был как летучий огонь.

Девон вопросительно посмотрел на хозяина конюшни.

– Как это понимать?

– Это йоркширское выражение: так мы называем горячие угольки, которые вылетают из очага, и так же называют тех, кто не может сдерживать свой темперамент.

Асад поднял голову и деликатно ткнулся носом в подбородок Девона, и тот замер, сдержав инстинктивный порыв отпрянуть.

– Подуйте тихонько ему в нос, – прошептал Блум. – Он хочет с вами подружиться.

Конь в ответ ткнулся носом Девону в грудь и лизнул рубашку.

– Все, милорд, вы его покорили, – заключил хозяин конюшни, по его круглому лицу расплылась улыбка, так что щеки наплыли на белые бакенбарды.

– Я тут ни при чем, – пожал плечами Девон, поглаживая Асада по голове. – Все дело в запахе леди Тренир.

– Да, но вы нашли к нему правильный подход, – возразил мистер Блум и доверительно добавил: – И, похоже, к ее светлости тоже.

Девон удивленно вскинул бровь, но хозяин конюшни изобразил святую невинность и лишь похлопал глазами.

– Леди Тренир расстроилась из-за происшествия с мужем, – возразил Девон. – Окажись в таком состоянии любая другая дама, я бы точно так же предложил ей помощь. – Он помолчал, и уже тверже добавил. – Ради ее блага, я требую, чтобы ни вы, ни кто-либо из ваших помощников не распускали сплетни и никому не говорили что произошло.

– Я уже всех предупредил, что, если кто-нибудь хоть пикнет об этом, я с него шкуру спущу, – заверил Блум, озабоченно хмурясь. – Ее светлость и хозяин поссорились в то утро, перед тем как он прибежал в конюшню. Боюсь, она винит во всем себя.

– Так и есть, – подтвердил Девон. – Я пытался убедить ее, что она никак не может отвечать за его поступки, как и конь. Мой кузен сам навлек на себя эту трагедию.

– Согласен с вами, милорд.

Девон на прощание похлопал животное по шее.

– До свидания, дружище. Я еще зайду к тебе утром до отъезда.

Он направился к выходу, и мистер Блум вместе с ним.

- Полагаю, смерть графа вызвала массу слухов в округе?
- Да уж не без этого... – пожал плечами старший конюх.
- Ну и что говорят? Из-за чего лорд и леди Тренир поспорили в то утро?

Лицо Блума ничего не выражало.

- Не могу вам сказать.

Девон не сомневался, что у старика имеются соображения на сей счет: слуги всегда все знают, – но решил не приставать с расспросами: как-никак частное дело семьи, неприлично.

Решив оставить эту тему до поры до времени, он сказал:

– Спасибо за помощь с леди Тренир. Если она надумает продолжить объезжать Асада, я разрешу ей только при условии, что вы всегда будете рядом. Не сомневаюсь, что вы способны позаботиться о ее безопасности.

– Благодарю за доверие, милорд! – воскликнул Блум. – Если я правильно понял, леди останется в Эверсби?

Девон посмотрел на него, не в состоянии ответить. Это был простой вопрос, и ответ лежал на поверхности, но в то же время невероятно сложный. Что он намерен предпринять в отношении Кэтлин? А сестер Тео? Что вообще делать с поместьем, с конюшнями, прислугой, семьями, которые ведут хозяйство на этой земле? Способен ли он и в самом деле вышвырнуть их всех и бросить на произвол судьбы? Но, будь оно все проклято, как иначе? Что делать со всеми этими невообразимыми долгами и обязанностями, повисшими над его головой словно дамклов меч? Он закрыл глаза, и его вдруг осенило: вопрос выбора перед ним не стоит. Хочет он того или нет, но ответственность, которая прилагается к титулу, уже лежит на нем.

– Да, – наконец нашелся с ответом, чувствуя легкую тошноту, – я намерен оставить их всех в поместье.

Мистер Блум улыбнулся и кивнул, по-видимому, и не ожидая другого ответа.

Девон вышел из конюшни через крыло, примыкающее к дому, и направился в холл. Он чувствовал странную отстраненность от ситуации, словно его мозг решил отойти в сторону и понаблюдать за всей картиной в целом, прежде чем вникнуть в подробности.

Откуда-то с верхних этажей доносились звуки фортепиано и женские голоса, а среди них вроде бы мужской, или ему показалось? Увидев горничную, которая натирала специальной щеткой перила парадной лестницы, Девон спросил:

- Откуда доносятся эти звуки?
- Милорд, семья пьет чай в гостиной на втором этаже.

Рейвенел поднялся по лестнице, и к тому времени как дошел до гостиной, у него не осталось сомнений, что мужской голос принадлежит его несносному брату. Когда он вошел в комнату, Уэстон шутовски воскликнул:

- Девон! Посмотри, какие очаровательные у нас кухни!

Он сидел рядом с игральным столом и, похоже, не в первый раз подливал в свою чашку с чаем щедрую порцию спиртного из фляжки, в то время сестры сосредоточенно собирали из фрагментов карту Англии. Бросив на брата удивленный взгляд, он заметил:

- У тебя такой вид, как будто тебя протащили задом наперед через живую изгородь.

– Тебе здесь не место, – заявил Девон, ни к кому конкретно не обращаясь, но окинув взглядом сразу всех, – он уже что-нибудь натворил?

- Пока нет! – весело откликнулась Кассандра.

– Черт! – воскликнула Пандора, рассматривая пригоршню кусочков головоломки. – Я не могу найти Лутон!

– Не переживай из-за него, – небрежно бросил Уэстон. – Лутон можно спокойно выбросить, и Англия от этого ничуть не потеряет, скорее наоборот: станет даже лучше.

- Говорят, в Лутоне делают красивые шляпки, – заметила Кассандра.

– Я слышала, что те, кто делает шляпы, сходят с ума, – вставила Пандора. – А по-моему это вовсе не скучное занятие.

– Так ума они лишаются не от работы, – пояснил Уэстон. – Причина – в ртути, которую используют, чтобы смягчить фетр. Если долго иметь с ней дело, страдает мозг. Не зря же говорят «безумен, как шляпник».

– Если это так вредно, тогда почему ее используют? – спросила Пандора.

– Потому что ничего другого пока нет, а рабочих всегда можно нанять, – цинично ответил Уэстон.

– Пандора! – воскликнула Кассандра. – Пожалуйста, не засовывай этот кусочек туда, он же явно не подходит!

– А вот и подходит! – упрямо заявила близняшка.

Тогда Кассандра обратилась к старшей сестре:

– Хелен, разве остров Мэн в Северном море?

Музыка на время смолкла, и Хелен ответила из угла, где сидела за пианино. Хоть инструмент и был расстроен, играла она вполне прилично.

– Нет, дорогая, в Ирландском.

– Вздор! – Пандора в сердцах отшвырнула фрагмент. – Это бесительно!

Поймав непонимающий взгляд Девона, Хелен пояснила:

– Пандоре нравится коверкать слова и придумывать новые.

– Дело не в этом, – раздраженно возразила Пандора. – Просто иногда обычные слова не способны передать мои эмоции.

Хелен встала из-за пианино, подошла к Девону и с улыбкой сказала:

– Милорд, спасибо, что разыскали Кэтлин. Она сейчас наверху. Горничные приготовили для нее горячую ванну, а потом кухарка пошлет ей в комнату поднос с едой.

– Как она себя чувствует? – осторожно спросил Девон, поскольку не знал, что Кэтлин сказала Хелен.

– Думаю, неплохо, разве что немного устала.

Еще бы не устать. Если подумать, он тоже был бы не прочь соснуть часок-другой. Девон переключил внимание на брата.

– Уэстон, надо поговорить. Пройдем в библиотеку?

Кузен опустошил чашку, встал и поклонился дамам.

– Дорогие девушки, я благодарю вас за прекрасно проведенное время. – Перед тем как уйти, он помедлил, заметив: – Пандора, милая, ты пытаешься втиснуть Портсмут в Уэльс. Уверяю тебя, это не понравится обеим сторонам.

– Я же говорила! – воскликнула Кассандра. Близняшки принялись пререкаться, а Девон и Уэстон тем временем вышли из гостиной.

Глава 5

По дороге в библиотеку Уэстон заметил:

– Они прелестны, как котята, пропадут только в этой деревне. Признаюсь, я даже не знал, что в компании невинных девушек может быть так приятно.

– Что, если они примут участие в лондонском сезоне? – задал Девон один из сотен вопросов, вертевшихся в голове. – Как бы ты оценил их перспективы?

Его вопрос, казалось, озадачил Уэстона.

– Поймать мужа? Бесперспективно.

– Даже у леди Хелен?

– Она, конечно, ангел: красивая, спокойная, образованная, – у нее, пожалуй, будут ухажеры. Но джентльмены, даже более-менее подходящие, никогда не взглянут в ее сторону. В наше время мало кто может себе позволить взять девушку, у которой нет приданого.

– Ну почему же? Есть такие – рассеянно возразил Девон.

– Например? – с усмешкой спросил Уэстон.

– Кое-кто из наших знакомых... Северин или Уинтерборн...

– Знаешь, я бы не хотел, чтобы кто-то из них стал свататься к леди Хелен. Она никак не подходит на роль жены варвара.

– Ну, я бы не назвал владельца сети магазинов варваром.

– Риз Уинтерборн – вульгарный, безжалостный, ради личной выгоды готов поступиться любыми принципами... Может, конечно, кого-то и восхищают эти качества, но для леди Хелен он никак не подходит. Они сделают друг друга несчастными.

– Разумеется, сделают, это же брак.

Девон сел на старый, пропахший пылью стул перед письменным столом в глубокой оконной нише. Пока что библиотека с обшитыми дубовыми панелями стенами была его любимой комнатой в доме. Стеллажи, доходившие до самого потолка, вместили тысячи три книг. Один книжный шкаф включал несколько узких выдвигаемых ящиков, где хранились карты и документы. Запахи бумаги, пергамента и книжной пыли оживляли терпкие нотки табака и чернил.

Девона привлек необычной формы деревянный ящик для сигар: в форме пчелиного улья, по поверхности которого были разбросаны крошечные латунные пчелки.

– То, что Уинтерборну больше всего нужно, нельзя купить.

– Если он чего-то не может купить, значит, оно не стоит того, чтобы это иметь.

– Как насчет дочери аристократа?

Уэстон медленно прошелся вдоль книжных полок, разглядывая названия, потом взял одну книгу и лениво ее полистал.

– Какого дьявола мы толкуем о выборе подходящей партии для леди Хелен? Ее будущее не твоя забота. После того как мы продадим поместье, ты ее скорее всего никогда больше не увидишь.

Девон провел пальцем по узору из пчел.

– Я не буду продавать поместье.

Уэстон чуть не выронил из рук книгу.

– Ты что, с ума сошел? Почему?

Девон не хотел делиться с братом своими соображениями, пока сам еще не до конца в них разобрался.

– У меня нет желания обрести славу безземельного графа.

– С тех самых, как стал пэром.

– Теперь, когда я пэр, имеет.

Уэстон окинул его оценивающим взглядом.

– Ты же никогда не рассчитывал унаследовать Эверсби, не хотел да и не был к этому готов. Это все равно что мельничный жернов на шее. До сегодняшней встречи с Тотхиллом и Фоггом я не до конца это понимал. Тебе надо сохранить титул и продать поместье, поступить как-то иначе было бы с твоей стороны глупостью.

– Титул без земли – ничто.

– Ты не можешь себе позволить поместье.

– Значит, мне придется найти способ.

– Как? Ты понятия не имеешь, как управлять запутанными финансами. Что касается фермерства, ты за свою жизнь даже семечка редиски не посеял. В чем бы ты ни разбирался – а это ничтожно мало, – в управлении таким поместьем ты точно не разбираешься.

Как ни странно, чем больше брат вторил сомнениям, которые уже были у него самого, тем больше крепло упрямство Девона.

– Если управлять им был способен Тео, то будь я проклят, если не смогу и я.

Уэстон покачал головой, не веря своим ушам.

– Так вот откуда взялась вся эта ерунда? Ты пытаешься соревноваться с погибшим кузеном?

– Не будь идиотом! – рявкнул Девон. – Неужели не ясно, что на карту поставлено гораздо большее? Ради бога, оглянись вокруг! Это поместье дает средства к существованию сотням людей. Без него многие из них просто не выживут. Скажи, ты готов вот так лицом к лицу, сообщить кому-то из арендаторов, что он должен уехать с семьей в Манчестер и там искать работу на какой-то паршивой фабрике?

– Чем работа на фабрике хуже труда от зари до зари на клочке земли?

– Если учесть городские болезни, преступность, трущобы и крайнюю нищету, – язвительно заметил Девон, – я бы сказал, намного хуже. И если уедут все мои арендаторы и слуги, как это скажется на жизни самой деревни Эверсби? Что станет с торговцами и мастерами, когда не будет поместья? Так что, Уэстон, я обязан с этим справиться.

Тот посмотрел на Девона, как будто впервые увидел.

– «Мои арендаторы и слуги»?

– Да, а чьи же они еще? – нахмурился Девон.

Уэстон насмешливо скривил губы.

– Скажи-ка мне, о, благородный лорд, вот что: а если ты потерпишь неудачу?

– Я хочу об этом не думать, иначе все мои прожекты обречены с самого начала.

– Так оно и есть. Ты можешь сколько угодно хорохориться и называть себя хозяином поместья, но если тем временем крыша над твоей головой обвалится, арендаторы из-за непогоды будут голодать, то я не стану принимать участие в этом отнюдь не дешевом мероприятии лишь из-за твоего тщеславия.

– Так тебя никто и не просит, – пожал плечами Девон, направляясь к двери. – Какой от тебя прок, если ты обычно пьян как сапожник.

– Да кем ты себя вообразил, черт побери? – крикнул ему вслед Уэстон.

Девон остановился на пороге и, прежде чем покинуть библиотеку, смерил брата холодным взглядом.

– Я граф Тренир.

Глава 6

Кэтлин впервые со дня смерти Тео спала без кошмарных снов и утром проснулась отдохнувшей. Клара, ее камеристка, принесла завтрак и поставила поднос на кровать.

– Доброе утро, миледи. Лорд Тренир дал мне записку, чтобы я положила ее рядом с вашей тарелкой.

Горничная тем временем раздернула портьеры, впуская в комнату слабый свет пасмурного дня.

Кэтлин удивленно нахмурилась и развернула маленький квадратик бумаги, на которой решительным угловатым почерком Девона черными чернилами было написано:

«Мадам, я скоро уезжаю в Лондон, но до этого хотел бы обсудить с вами кое-какие вопросы. Спуститесь, пожалуйста, в библиотеку, как только вам будет удобно.

Тренир».

При мысли о встрече с графом у нее внутри все заledenело: она знала, о чем он хочет с ней поговорить: собирается напомнить, что пора покинуть поместье. Зачем ему такое бремя: вдова и сестры Тео, – да никто и не ожидал от него иного решения. Она сегодня же начнет рассылать запросы в поисках дома. Если очень сильно экономить, то все они смогут жить на доход от ее вдовьего наследства. Возможно, оно и к лучшему: начать новую жизнь в другом месте. Те три месяца, что она прожила в Эверсби, не принесли ей ничего хорошего. И хоть сестры и любили этот дом, единственный дом, который знали, им тоже перемены пойдут на пользу. Слишком долго они жили изолированно от мира. Им нужны новые люди, новый пейзаж, новый опыт. Да, вчетвером они справятся.

Но Кэтлин беспокоило, что станет со слугами и арендаторами. Жаль, что со смертью Тео его род и наследие, по сути, прекратили существование.

В таком меланхолическом настроении она стала одеваться. Клара помогла ей надеть многочисленные нижние юбки и корсет, прикрепить маленький турнюр. За этим последовало облегающее платье из черного крепа со складками в несколько ярусов на спине, переходящим в небольшой шлейф. Спереди платье застегивалось на пуговицы, длинные рукава плотно облегли запястья и заканчивались съемными манжетами из белого льна. Кэтлин подумывала надеть вуаль, но отбросила эту мысль, решив, что они с Девоном уже вышли за рамки подобных формальностей.

Пока заплетала хозяйке волосы в косы и укладывала в узел на затылке, закалывая шпильками, Клара осторожно спросила:

– Миледи, его светлость не говорил, как планирует поступить с прислугой? Мы все волнуемся за свое положение.

– Пока нет, – со вздохом ответила Кэтлин, мысленно переживая из-за собственной беспомощности. – Но за свое место можешь не волноваться: ты останешься при мне.

– Спасибо, миледи.

Ее слова, казалось, немного успокоили камеристку, но Кэтлин понимала, насколько противоречивы ее чувства. Клара занимала высокое положение в иерархии слуг в большом поместье, и служить в крошечном коттедже или арендованных комнатах было бы для нее шагом вниз.

– Я сделаю все, что смогу, чтобы повлиять на решение лорда Тренира в отношении слуг, – заверила Кэтлин. – Но боюсь, у меня нет над ним власти.

Они обменялись грустными улыбками, и Клара вышла из комнаты, а хозяйка направилась в библиотеку. Кэтлин чувствовала, что по мере приближения к цели, сердце ее начинает

ускорять свой бег. Прежде чем переступить порог, она расправила плечи и несколько раз глубоко вздохнула. Девон, казалось, рассматривал книги. Заметив три тома, упавших набор, он дотянулся до них и поправил.

– Милорд, – тихо произнесла Кэтлин.

Девон обернулся и сразу же наткнулся на ее явно изучающий взгляд. В темном костюме модного, более свободного покроя: сюртук, жилет и брюки – он был весьма привлекателен, хотя даже такая, почти домашняя одежда несколько не смягчала очертания его тела. Сама того не желая, Кэтлин на мгновение вспомнила ощущение от его рук, обнимавших ее, его крепкой груди под ее щекой, и лицо ее залила краска.

Девон поклонился, причем лицо его при этом ничего не выражало, он казался спокойным, но если присмотреться внимательнее, можно было заметить тени под глазами и внутреннее напряжение, тщательно скрываемое.

– Надеюсь, сегодня вы чувствуете себя лучше, – сказал он тихо.

Она покраснела еще гуще.

– Да, благодарю вас. – Она сделала реверанс и крепко сплела пальцы. – Вы хотели что-то обсудить со мной до отъезда?

– Да, это касается поместья: я пришел к кое-каким заключениям...

– Очень надеюсь, – перебила его Кэтлин и тут же оборвала себя: – Прошу прощения, мне не следовало...

– Продолжайте.

Кэтлин заговорила, опустив глаза на свои сцепленные пальцы:

– Милорд, если вы решите уволить некоторых слуг... или их всех... надеюсь, что вы примете во внимание, что они служили Рейвенелам всю жизнь. Если бы вы сочли возможным выдать им хоть какие-то выходные пособия, пусть только самым старшим, у кого мало надежды найти работу...

– Я буду иметь это в виду.

Кэтлин буквально ощущала на себе его взгляд, как тепло солнечного света. В тишине было слышно только, как тихо тикают часы в корпусе красного дерева на каминной полке.

– Вы нервничаете, почему? – спросил он мягко.

– После вчерашнего... – Она не смогла договорить и напряженно сглотнула.

– Об этом никто, кроме нас, никогда не узнает.

Даже если бы Кэтлин ему поверила, это не принесло бы ей облегчения. То воспоминание образовало между ними незримую и нежеланную связь. Он видел ее в самом слабом, самом беспомощном состоянии, и если бы сейчас посмеивался над ней, а не обращался с ней столь бережно, ей было бы легче. Кэтлин заставила себя посмотреть ему в глаза и нехотя призналась:

– Мне проще воспринимать вас как противника.

Девон улыбнулся одними уголками губ:

– В таком случае мы оба оказались в неловкой ситуации, потому что я передумал продавать поместье.

В первое мгновение Кэтлин была так поражена, что лишилась дара речи. Нет, в это невозможно поверить. Может, она ослышалась?

– Положение Эверсби настолько отчаянное, – продолжил Девон, – что вряд ли его можно ухудшить еще больше. Конечно, я могу попробовать, но... – Он показал на два стула возле письменного стола. – Присядете?

Кэтлин кивнула, и пока усаживалась на стул, расправляя юбки, в голове ее лихорадочно роились мысли. Вчера он казался настроенным очень решительно, и не было никаких сомнений, что он избавится от поместья и всех его проблем самым простым для него образом.

Расправив юбки, Кэтлин сложила руки на коленях и подняла на Девона вопросительный взгляд.

– Милорд, позвольте спросить: что заставило вас передумать?

Девон не спешил с ответом, стараясь подобрать правильные слова.

– Я тщательно взвесил все причины, по которым мне стоило бы умыть руки, но все время мне не давала покоя мысль, что будет со всеми этими мужчинами, женщинами и детьми в поместье. Приорат Эверсби – плод трудов нескольких поколений моих предков, я не могу его взять и уничтожить.

– На мой взгляд, ваше решение достойно восхищения, – сказала Кэтлин в некоторой растерянности, не вполне неуверенная, что поняла все правильно.

Его губы скривились.

– Мой брат считает это тщеславием и, конечно, предрекает мне поражение.

– В таком случае я стану ему противовесом! – воскликнула Кэтлин, – и предскажу вам успех.

Девон бросил на нее удивленный взгляд, потом одарил ослепительной улыбкой и посоветовал:

– Не обольщайтесь. Прошлой ночью я то и дело просыпался и спорил с собой, но потом мне пришлось в голову спросить себя, что сделал бы мой отец, если бы прожил достаточно долго, чтобы оказаться в моем положении?

– И что же? Он сохранил бы поместье?

– Нет, напротив: продал бы, ни секунды не раздумывая. – Девон издал короткий смешок. – Поскольку самое правильное поступать ему наперекор, как было всегда, решение пришло само собой. Можно смело сказать, что если делать противоположное тому, что сделал бы мой отец, то всегда будешь поступать правильно.

Кэтлин задумчиво посмотрела на него, но все же осмелилась спросить:

– Он пил?

– Не только. А если ему что-то нравилось, то делал он это чрезмерно. В общем, Рейвенел до мозга костей.

Кэтлин кивнула, подумав о Тео, и осмелилась заметить:

– Да, фамильные черты характера не очень-то хорошо поддаются управлению.

Глаза Девона весело блеснули.

– Как один из Рейвенелов, который унаследовал врожденный темперамент полной мерой, соглашусь с вами. Хотел бы я хоть кем-то из рода похвастаться, но даже моя мать, к сожалению, была еще хуже.

– Неужели? – удивилась Кэтлин. – У нее что был очень вспыльчивый характер?

– Если бы только это... Нет, она была еще и нестабильной, взбалмошной. Без преувеличения можно сказать, что бывали дни, а то и недели, когда она забывала, что у нее вообще есть дети.

– Как похоже на моих родителей! – заметила Кэтлин и после небольшой паузы добавила: – Нет, они могли быть очень внимательными и заботливыми, но только если ты лошадь.

Девон улыбнулся и наклонился вперед, поставил локти на колени и свесив голову. Эта небрежная поза – не приемлемая для джентльмена, учитывая присутствие дамы, – показывала, как он устал и подавлен своим положением. В Кэтлин впервые шевельнулось искреннее сочувствие к нему. Несправедливо, что на одного человека вот так, сразу, свалилось столько самых разных проблем.

Наконец он опять сел прямо и сказал:

– Есть еще одно дело, которое мне нужно с вами обсудить. Совесть не позволяет мне выселить сестер Тео из единственного дома, который у них когда-либо был. – Увидев выражение ее лица, он поднял бровь. – Да, представьте, у меня есть совесть. Она годами пребывала в состоянии спячки, но, несмотря на это, все-таки ухитряется время от времени доставлять неудобства.

– Если вы собираетесь разрешить девочкам остаться здесь...

– Да, собираюсь. Но этот план сопряжен с очевидными трудностями. Им потребуется наставница, не говоря уже о строгом обучении, если им предстоит в конце концов выйти в свет.

– В свет? – ошеломленно переспросила Кэтлин. – Всем троим?

– Почему нет? Они ведь уже совершеннолетние, не так ли?

– Да, но расходы...

– Об этом предоставьте беспокоиться мне. – Он помолчал. – Вы бы освободили меня от самой трудной части всего этого дела, если бы взяли близняшек в свои руки и приобщили к цивилизации, насколько это возможно.

– Я? – Кэтлин расширила глаза. – Вы предлагаете мне остаться в Эверсби?

Девон кивнул.

– Вы, конечно, не намного старше, чем Хелен и близняшки, но, думаю, сможете с ними управиться. И уж точно лучше, чем кто-то посторонний. – Он помолчал. – Они должны иметь такие же возможности, какими пользуются другие юные леди подобного происхождения и, конечно, вы можете продолжать работу с Асадом. Я подозреваю, что он обучится хорошим манерам быстрее Пандоры.

Сердце Кэтлин затрепетало. Остаться в поместье со всеми, кто ей дорог, – о таком она даже мечтать не осмеливалась. Она осторожно поинтересовалась:

– Полагаю, вы тоже будете жить здесь?

– Нет, буду иногда приезжать, но большую часть работы по решению финансовых проблем поместья придется делать в Лондоне. В мое отсутствие все хозяйство ляжет на ваши плечи. Этого стимула достаточно, чтобы вы остались?

Кэтлин радостно закивала еще до того, как он закончил фразу, и воскликнула едва не задыхаясь:

– Да, милорд! Я останусь и помогу вам всем, чем смогу.

Глава 7

Через месяц после того, как Девон и Уэстон уехали из Гэмпшира, в Эверсби принесли посылку, адресованную Кэтлин. Когда все собрались в гостиной на втором этаже, она открыла посылку и стала разворачивать хрустящую бумагу. Внутри оказалась кашемировая шаль, увидев которую, все ахнули от восхищения. Такие шали, связанные вручную в Персии и отделанные каймой из вышитых цветов и шелковой бахромой, были сейчас последним криком моды в Лондоне. Пряжа, окрашенная в разные оттенки одного и того же цвета, давала удивительный эффект заката; пылающие красные тона переходили в оранжевые и золотые.

– Это называется «ombré»¹, – с благоговением сказала Кассандра. – Я видела ленты, покрашенные таким манером. Сейчас очень модно!

– И замечательно подойдет к вашим волосам, – заметила Хелен.

– Но кто ее прислал? – спросила Пандора. – И почему?

Кэтлин взяла записку, которая была вложена в посылку, и прочитала крупно написанные слова: «Как обещал. Тренир».

Девон нарочно выбрал шаль самых ярких цветов, какие только можно себе представить, но которую вдова никогда не сможет носить. Кэтлин нахмурилась.

– Я не могу это принять, подарок слишком личный, к тому же от лорда Тренира. Возможно, будь это носовой платок или баночка конфет...

– Но он же наш родственник! – удивила ее Хелен. – И шаль не такой уж личный предмет, не так ли? Ведь ее же не надевают на голое тело.

– Читайте, что это большой носовой платок, – предложила Кассандра.

– Даже если я оставлю ее себе, – сдалась Кэтлин, – мне придется покрасить ее в черный цвет.

Девушки посмотрели на нее так, словно увидели на ее голове змей, а потом заговорили все одновременно:

– Вы не должны...

...Ах, зачем?

...Испортить такую яркую вещь...

– Как я могу носить ее в таком виде? – воскликнула Кэтлин. – Я же буду похожа на поугая. Можете представить, какие пойдут сплетни?

– Вы можете носить ее дома, – вмешалась Пандора. – Никто и не увидит.

– Примерьте! – подтолкнула ее Кассандра.

Как Кэтлин ни отказывалась, девушки настояли, чтобы она накинула шаль на плечи.

– Какая красота! – воскликнула Хелен.

Никогда еще у Кэтлин не было столь роскошной вещи: шерсть мягкая, вязка плотная, кайма искусная, а какие насыщенные краски.

Она погладила шаль и со вздохом произнесла:

– Пожалуй, я не могу испортить такую красоту анилиновым красителем, но ему напишу, что все-таки покрасила ее в черный цвет.

– Собираетесь солгать? – удивилась Кассандра. – Но какой пример вы подаете нам?

– Это для пользы дела: чтобы отучить графа присылать неподобающие подарки, – парировала Кэтлин.

– Если он не знает, что принято, разве это его вина? – заметила Пандора.

Кэтлин мрачно уточнила:

¹ Омбре – способ окрашивания тканей, когда один цвет плавно переходит в другой, от светлых оттенков к более темным. – *Здесь и далее примеч. ред.*

– Все он знает: просто получает удовольствие, нарушая правила.

«Милорд, спасибо за красивый подарок, который особенно пригодится теперь, когда погода ухудшилась. Рада сообщить, что кашемир прекрасно покрасился, цвет получился очень ровный, угольно-черный, и теперь шаль подходит для моего траура.

Благодарю вас за внимание. Леди Тренир».

– Она ее покрасила? – едва не взвыл Девон.

Положив записку на стол со смешанным чувством веселья и раздражения, он потянулся за серебряной ручкой, вставил свежее перо и достал из ближайшей стопки чистый лист писчей бумаги. Этим утром он уже успел написать с полдюжины писем адвокатам, банкиру, подрядчикам и нанял агента для анализа финансового положения поместья, и кончики его пальцев были испачканы чернилами. Девон поморщился. Лакей дал ему пасту из соли с лимонным соком, но она не смогла полностью удалить эти пятна. Он устал от писанины, а еще больше – от цифр, и записка от Кэтлин внесла приятное разнообразие. Такой вызов он не мог оставить без ответа.

Девон посмотрел на письмо с легкой усмешкой и, хорошо обдумав, как бы получше ее позлить, обмакнул перо в чернила и написал:

«Мадам, я счастлив узнать, что вы нашли шаль полезной в эти прохладные осенние дни.

В связи с этим сообщаю, что недавно решил пожертвовать все черные портьеры, которые в настоящее время затемняют окна в Эверсби, в одну благотворительную организацию в Лондоне. Вам, к сожалению, больше не придется пользоваться этой тканью, но зато из нее будут сшиты зимние пальто для бедных. Уверен, вы согласитесь, что это куда более благородная цель. Вы, несомненно найдете другие способы сделать атмосферу поместья как можно мрачнее и безрадостнее.

Если портьеры не будут доставлены в самое ближайшее время, я сочту это знаком, что вам очень нужна моя помощь и немедленно прибуду в Гэмпшир.

Граф Тренир».

Неделей позже пришел ответ от Кэтлин – вместе с большими деревянными ящиками, в которых лежали черные портьеры.

«Милорд, в своих заботах об угнетенных народных массах вы, по-видимому, запомнили сообщить мне, что наняли батальон рабочих оккупировать Эверсби. Сейчас, когда я пишу эти строки, по дому свободно разгуливают плотники и сантехники, обдирают стены и полы и утверждают, что делают все это по вашему распоряжению. Расходы на прокладку труб невероятно велики и излишни, а шум и несоблюдение этикета крайне нежелательны, особенно в доме, пребывающем в трауре.

Я требую, чтобы эти работы были немедленно прекращены.

Леди Тренир».

«Мадам, у каждого человека есть свой предел. Мой, так уж вышло, простирается только до уборной на улице.

Работы будут продолжены.

Граф Тренир».

«Милорд, в то время как вашим землям отчаянно необходимо множество усовершенствований, включая ремонт коттеджей для рабочих, фермерских построек, дренажных систем и ограждений, невольно возникает вопрос: неужели личный физический комфорт для вас перевешивает все остальные соображения.

Леди Тренир».

«Мадам, отвечая на ваш вопрос: да.
Граф Тренир».

– Ох, как же я его презираю! – вскричала Кэтлин, швыряя письмо на стол в библиотеке. Хелен и близняшки, корпевшие над книгами о хороших манерах и этикете, одновременно вопросительно уставились на нее.

– Тренира, – пояснила она, хмурясь. – Я написала ему, что по его вине здесь царит хаос, рабочие топают вверх-вниз по лестницам, в любое время стучат молотками и жужжат пилами. Но ему нет дела ни до чьего удобства, кроме своего собственного.

– Вообще-то мне шум не мешает, – заметила Кассандра. – Скорее наоборот: такое чувство, будто дом снова ожил.

– А я с нетерпением жду, когда у нас будут ватерклозеты, – робко призналась Пандора.

– Неужели он купил твою преданность по цене одной уборной? – скептически поинтересовалась Кэтлин.

– Не одной, – уточнила Пандора. – Ватерклозеты будут на каждом этаже и даже у слуг. Хелен улыбнулась Кэтлин.

– Переносить небольшие неудобства станет легче, если все время напоминать себе, как будет хорошо, когда все это закончится.

Каждый слог этого оптимистичного заявления сопровождался глухим стуком снизу, таким сильным, что пол дрожал.

– Небольшие неудобства? – фыркнула Кэтлин. – Да стоит такой грохот, что дом кажется, будто вот-вот рухнет.

– Они устанавливают бойлерную систему, – сообщила Пандора, листая книгу. – Это комплект из двух медных цилиндров с трубами, которые нагреваются газовыми горелками. Не нужно будет ждать горячей воды – она сразу же поступает через специальные трубы, присоединенные к бойлеру сверху.

– Пандора, – подозрительно прищурилась Кэтлин, – откуда ты все это знаешь?

– Главный водопроводчик объяснил.

– Дорогая, леди не подобает разговаривать с мужчиной, которому ее не представили, – мягко пожурила ее Хелен, – не говоря уже о рабочих.

– Но, Хелен, он же старый, на Санта-Клауса похож.

– Возраст тут ни при чем, – строго сказала Кэтлин. – Пандора, ты обещала следовать этикете и подчиняться правилам.

– Я и подчиняюсь! – возразила девушка, раздосадованная. – Но их столько, что все и не упомнишь.

– Как такое возможно: запомнить в подробностях устройства водопроводной системы, но забыть основы этикета?

– Потому что водопровод гораздо интереснее.

Пандора опустила голову над учебником хороших манер, делая вид, что читает главу «Как должна вести себя леди», и Кэтлин, озабоченно наблюдая за девушкой, была вынуждена признать, что за две недели занятий она очень мало продвинулась вперед по сравнению с Кассандрой, которая за то же время научилась гораздо большему, но, чтобы Пандора не выглядела по сравнению с ней еще хуже, пытается скрыть свои успехи. Было совершенно ясно, что Пандора куда менее дисциплинированная.

В комнату вошла миссис Черч, добродушная пухлая экономка, чтобы сообщить, что в гостиную на втором этаже сейчас подадут чай.

– Ура! – закричала Пандора, вскакивая со стула. – Я так проголодалась, что могу съесть колесо от кареты!

И через мгновение ее и след простыл.

Кассандра посмотрела на Кэтлин так, словно хотела извиниться, и побежала вслед за сестрой, а Хелен по привычке стала собирать книги и листы бумаги и складывать их стопочками.

– Пандора всегда была такой... – начала было Кэтлин, но замялась, пытаясь найти более подходящее слово.

– Да! – с чувством произнесла Хелен. – Вот почему ни одна из гувернанток не задерживалась у нас надолго.

Кэтлин вернулась к библиотечному столу и поставила на место стулья.

– Как же я подготовлю ее к сезону, если не могу удержать за столом больше пяти минут?

– Сомневаюсь, что ее вообще можно подготовить.

– Кассандра делает большие успехи, но вот Пандора...

– Кассандра ни за что не пойдет ни на одно светское мероприятие без сестры.

– Но ведь она должна понимать, что это неправильно.

Хелен пожала изящными плечами.

– У них всегда было так. С младенчества они говорили между собой на своем собственном придуманном языке. Если одну наказывали, вторая требовала, чтобы и ее наказали. Они совершенно не могут проводить время порознь.

Кэтлин вздохнула.

– Им придется, иначе не будет никакого прогресса. Я несколько дней позанимаюсь с Пандорой отдельно. Могла бы ты в это время занять Кассандру?

– Да, конечно.

Хелен сложила книги по порядку, а перед тем как закрыть каждую, положила в нужных местах закладки. Она всегда обращалась с книгами очень бережно, они были ее компаньонами, ее развлечением и ее единственным окном во внешний мир. Кэтлин беспокоилась, что девушке будет трудно приспособиться к особенностям лондонской жизни.

– Ты хотела бы войти в светское общество, когда закончится время траура? – спросила она у Хелен, но та ответила не сразу, задумавшись над вопросом, и наконец призналась:

– Да мне хотелось бы когда-нибудь выйти замуж.

– И о каком же муже ты мечтаешь? – спросила Кэтлин с игривой улыбкой. – О высоком, красивом, модном?

– Не обязательно: главное – чтобы был добрый. Ну, а если он любил бы книги, музыку... и, конечно, детей, я была бы счастлива.

Кэтлин посмотрела на девушку с нежностью и заверила:

– Мы найдем тебе такого мужчину, обещаю. Это самое малое, чего ты достойна, дорогая.

– Почему ты не пришел ужинать в клуб? – спросил Уэстон, входя в гостиную городского дома Девона. Почти из всех комнат была уже вынесена мебель. Современный стильный особняк был уже сдан в аренду итальянскому дипломату, который собирался поселить здесь свою любовницу. – Сегодня подавали бифштекс и пюре из репы. Не припомню случая, чтобы ты пропустил... – Он вдруг оборвал себя на полуслове. – Почему ты сидишь на письменном столе? Что, черт побери, ты сделал со стульями?

Девон, разбиравший почту, поднял на брата хмурый взгляд.

– Я же тебе говорил, что переезжаю в Мейфэр.

– Я не знал, что это случится так скоро.

Рейвенел-хаус представлял собой каменный особняк эпохи короля Якова с двенадцатью спальнями, и при взгляде на него казалось, что приорат Эверсби породил уменьшенную версию самого себя. К счастью, особняк был в гораздо лучшем состоянии, чем Девон ожидал. Дом, хоть и чрезмерно заставленный мебелью, был удобным, а темное дерево и ковры насы-

ценных темных тонов придавали интерьеру отчетливо мужской дух. Рейвенел-хаус, конечно, слишком велик для одного человека, но у Девона не было выбора: пришлось поселиться здесь. Он предлагал Уэстону жить вместе, но брат не захотел отказаться от комфорта и уединения его стильного дома, и его нельзя за это винить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.